
СИСТЕМА
роман
Андрей Самаров

Андрей Самаров
Система

https://litres.ru/74705518
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрею сорок шесть. У него есть семья, работа, привычный маршрут и жизнь, о которой удобно говорить: всё нормально. Но однажды он замечает, как много его решений рождается раньше, чем он успевает назвать их своими.

Попытка понять природу выбора приводит Андрея к модели оценки сотрудников. Компания видит в ней перспективу, выделяет команду и превращает идею в цифровой продукт. Сначала он лишь помогает сравнивать людей, объяснять поступки и обосновывать решения. Затем начинает учитывать то, что ещё недавно считалось личным.

Пока Макс ищет собственный голос в музыке, Лена пытается сохранить близость, а привычная жизнь продолжает требовать простых ответов, Андрей всё отчётливее понимает: система, от которой он пытался отстраниться, научилась говорить его логикой.

«СИСТЕМА» — психологический роман о свободе выбора, ответственности и почти незаметной границе между человеком и механизмом, созданным для его удобства.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА ВТОРАЯ 46
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 87
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 126
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Андрей Самаров
Система

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРЕЩИНА

Мне было сорок шесть. Возраст, в котором слово «молодой» уже редко употребляют без некоторой вежливости, а слово «старый» всё ещё кажется оскорблением. Я не особенно задумывался об этом, пока кто-нибудь не начинал хвалить меня за то, как хорошо я выгляжу. Раньше подобные замечания не нуждались в уточнениях.

Если бы тогда меня спросили, доволен ли я своей жизнью, я, скорее всего, ответил бы:

— В целом да.

И это была бы правда. По крайней мере, я не соврал бы намеренно.

У меня была семья, работа, квартира, машина. Мы не считали дни до зарплаты и могли позволить себе отпуск, ресторан по выходным, вещи не только потому, что старые сломались, но иногда и просто потому, что хотелось новых. Дети были здоровы. Работа временами раздражала, но приносила хорошие деньги. Лена тоже временами раздражала, хотя, ес-

ли быть справедливым, я наверняка раздражал её чаще.

Я знал, сколько времени занимает дорога до офиса, где дома лежат запасные ключи и каким голосом Лена произносит моё имя, когда я опять забыл что-то купить. В этой жизни было достаточно знакомого, чтобы чувствовать себя на своём месте, и достаточно забот, чтобы редко проверять, так ли это на самом деле.

В общем, всё было нормально.

Слово это я всегда любил. Вместительное, не требующее подробностей. В него можно сложить почти всю жизнь, закрыть крышкой и какое-то время туда не заглядывать. Наверное, именно так я и жил: неплохо, не особенно хорошо — нормально. И долгое время мне казалось, что этого вполне достаточно.

⁂

Будильник звонил в семь пятнадцать, хотя вставал я обычно в семь двадцать пять. Эти десять минут почему-то казались мне личной победой над обстоятельствами. Я проводил их с закрытыми глазами, уже не спал, но ещё не признавал, что утро началось.

В тот день за шторами было серо. Из двора доносился низкий гул машины, которая никак не уезжала; Лена лежала ко мне спиной, почти целиком укрывшись одеялом. Я выключил сигнал, полежал немного и потянулся к телефону. Пальцы нашли его на тумбочке прежде, чем я открыл глаза.

На экране появились погода, почта, рабочий чат, ещё один

рабочий чат. Я прочитал сообщения, на которые всё равно не собирался отвечать до офиса, посмотрел курс валют, задержался на новости об аварии где-то на другом конце города. Потом открылось лицо человека, фамилию которого вчера я не знал, а сегодня почему-то должен был узнать всё о его личной жизни.

Я уже собирался нажать на следующее уведомление, когда Лена сказала:

— Если началась война, скажи сразу. Если нет — выключи свет.

— Я только время посмотрел.

Она повернула голову и открыла один глаз. На тумбочке с моей стороны стояли электронные часы с цифрами размером почти с ладонь. Лена посмотрела на них, потом на меня.

— Семь двадцать две.

— Вот видишь. Полезная информация.

— Хорошо, что телефон есть. А то так бы и жили во тьме.

Я положил его экраном вниз. В комнате сразу стало темнее.

— Между прочим, за ночь могло много чего произойти.

— Судя по новостям, там уже давно всё произошло. Можешь ещё десять минут поспать.

Она отвернулась к стене. Я лежал, слушал, как за окном наконец отъехала машина, потом снова взял телефон. Уже без всякой необходимости, просто проверить. Что именно — не знаю. Так трогают языком зуб, который когда-то болел:

боли давно нет, но время от времени всё равно проверяешь.

На кухне сидел Макс. Ему было четырнадцать, и последние месяцы любое утро воспринималось им как личное оскорбление. Он ссутулился над тарелкой, одной рукой держал телефон, другой медленно двигал ложку в размокших хлопьях. На нём была футболка, из которой он, кажется, вырос ещё месяц назад, но признавать это отказывался.

— Доброе утро.

Он что-то промычал, не отрываясь от экрана.

— Это было «доброе утро»?

— Угу.

— Хорошо. Просто хотел убедиться, что русский язык в школе ещё преподают.

Макс поднял на меня глаза. Волосы с одной стороны торчали, на щеке ещё оставался след от подушки.

— Пап, семь утра.

— Уже половина восьмого.

— Тем более.

Я включил кофемашину. Она зашумела, пропуская воду, и несколько секунд можно было ничего не говорить. Я достал чашку из шкафа, поставил под носик и спросил про вчерашнюю контрольную.

— Нормально.

— На сколько нормально?

— Не знаю пока.

— А написал как?

Он опустил ложку в тарелку с осторожностью, в которой уже слышалось раздражение.

— Пап, если бы я знал, на сколько написал, мне бы оценку уже поставили.

— Логично.

Телефон снова поднялся перед его лицом. Я подождал, пока наполнится чашка, и сел напротив.

— Ты хоть завтракай без него.

— Я завтракаю.

— Я вижу. Мне интересно, узнаешь ли ты вкус хлопьев, если телефон отобрать.

— Там особо нечего узнавать.

Он положил телефон на стол, но экраном вверх. Через несколько секунд тот вспыхнул. Макс скосил глаза, посмотрел на меня, затем снова на экран. Я сделал вид, что не заметил. В конце концов, мне самому потребовалось два захода, чтобы узнать время на телефоне рядом с часами.

— Кстати, — сказал он, — мне наушники нужны.

— У тебя есть.

— Ну эти уже…

Он потянул край рукава, подбирая продолжение.

— Что с ними? Сломались?

— Нет.

— Потерял?

— Нет.

— Тогда в чём трагедия?

Макс вздохнул.

— Новые вышли.

Он сообщил это так, словно речь шла о событии, которое само по себе определяет дальнейшие действия: растаял снег, началась весна, вышли новые наушники.

— Поздравляю производителя.

— Пап… У них шумодав намного лучше.

— Ты в метро ездишь три остановки.

— Не только же для метро.

— А старые шум не давят?

— Давят. Но хуже.

Я подул на кофе.

— Насколько хуже?

— Не знаю. Там в обзоре говорят, заметно.

— А ты заметил?

Макс посмотрел на меня с таким выражением, что я заранее понял: сейчас получу ответ, которого заслуживаю.

— Как я замечу, если у меня новых нет?

Я рассмеялся.

— Ладно. Покажешь вечером.

— Они сейчас по акции.

— Разумеется.

— Почему «разумеется»?

— Потому что всё, что срочно нужно купить, почему-то всегда именно сейчас по акции.

Он закатил глаза и снова придвинул к себе телефон.

— Ты просто не понимаешь.

В кухню вошла Лена, на ходу собирая волосы. Резинку она держала в зубах, поэтому сначала только посмотрела на нас, будто по расположению чашек и выражению лиц можно было восстановить весь разговор.

— Что он опять не понимает? — спросила она, закончив с волосами.

— Мне новые наушники нужны.

— А старые?

— Господи, мама, только не ты тоже.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но лицо уже сделала.

Лена посмотрела на меня.

— Это он от тебя научился.

— Чему?

— Сразу защищаться, пока никто не напал.

Макс тихо усмехнулся.

— Спасибо, мам.

— Не за что. Убирай за собой тарелку.

Он взялся за ложку с намерением показать, что ещё не закончил, и в эту минуту появилась Соня. Ей было десять, и утро она переносила легче брата — возможно, потому, что пока не считала хорошее настроение признаком интеллектуальной незрелости. Она уже оделась, но волосы были собраны только с одной стороны; с другой пряди падали на плечо, и она всё время отбрасывала их рукой.

— Мам, мне новые кроссовки нужны.

Я посмотрел на Макса. Он встретил мой взгляд с удовольствием человека, чьи обстоятельства только что неожиданно улучшились.

— Вот видишь. Я вообще ни при чём.

— Подождите, — сказала Лена. — Сегодня что, специальный день?

— Какие кроссовки? — спросил я.

Соня тут же подошла и показала телефон. Страница была открыта заранее. На белом фоне стояли белые кроссовки с цветными вставками; я увеличил изображение, потом цену. Цена от увеличения не изменилась.

— Они что, сами ребёнка в школу водят?

— Андрей…

— Я просто спрашиваю.

Соня нахмурилась и попыталась забрать телефон.

— Они красивые.

— У тебя тоже красивые.

— Нет.

— Две недели назад были красивые.

— Тогда были.

— А что с ними произошло за две недели?

Она замолчала. Было видно, что ответ для неё существует, только сказать его так, чтобы я понял, трудно.

— Такие сейчас уже никто не носит.

Макс фыркнул.

— У тебя половина класса в таких.

— Не в таких.

— В таких.

— Вообще не в таких.

Лена поставила перед Соней тарелку и чуть повернула её к столу за плечи.

— Ешьте оба. Потом будем разбираться, кто в чём ходит и чем слушает музыку.

Я ещё раз посмотрел на фотографию. У Сониных кроссовок в прихожей были другие вставки. Или почти такие же. Уверенно сказать я не мог.

— За детскую обувь вот столько?

— Они хорошие, — сказала Лена.

— Надеюсь. За эти деньги они должны ещё уроки за неё делать.

— Сейчас всё примерно столько стоит.

Она произнесла это, открывая холодильник, и сразу спросила Соню, будет ли та йогурт. Разговор для неё двигался дальше, а я почему-то задержался на сказанном. «Сейчас» объясняло цену так же легко, как «новые вышли» объясняло необходимость наушников. Спорить с этим было неудобно: получалось, я не в курсе чего-то, что остальным давно известно.

Я вернул Соне телефон.

— Вечером посмотрим.

Она кивнула и без дальнейшего сопротивления занялась

завтраком.

— И наушники? — немедленно спросил Макс.

— А ты почему решил, что тебе стало лучше от её кроссовок?

— Ну раз всё равно вечером смотреть будете.

— Логика железная.

Лена подвинула ко мне недопитую чашку.

— Допивай и иди. Пробки будут.

На часах было уже больше, чем я рассчитывал. Я допил остывший кофе, отнёс чашку в раковину и пошёл одеваться, на ходу проверяя карманы. Из кухни доносился голос Лены: она просила Соню не вертеть головой, пока собирает ей волосы.

Дома я всегда выпивал один кофе. Через двадцать минут я купил второй.

⁂

Как это произошло, я потом пытался вспомнить. Ничего особенного в дороге не было: я сел в машину, положил сумку на соседнее сиденье, дождался, пока телефон подключится к системе. Заиграла музыка из подборки с названием вроде «Продуктивное утро». Я её не составлял и не помнил, когда начал слушать, но последнее время она включалась почти каждый будний день.

Навигатор предложил три маршрута: сорок семь минут, пятьдесят одну и пятьдесят четыре. Я выбрал сорок семь. Не потому, что особенно торопился, — просто остальные вари-

анты после этого числа почти перестали существовать.

На светофоре я вспомнил о совещании, затем о Максе. Между песнями прозвучала реклама. Впереди, за медленно двигавшимся автобусом, открылась знакомая вывеска кофейни, и я повернул на парковку.

Внутри было почти пусто. У окна стоял стул, чуть отодвинутый от стола, на стойке лежала стопка крышек. Пахло кофе и тёплым тестом. Девушка подняла глаза, узнала меня и уже потянулась за большим стаканом.

— Доброе утро. Как обычно?

— Да, спасибо.

Уточнять было нечего: большой американо без сахара. Пока готовили, я ответил на сообщение Игоря. Потом приложил телефон к терминалу, взял стакан за плотный бумажный бок.

— Хорошего дня.

— Спасибо, вам тоже.

Я вернулся в машину, поставил кофе в подстаканник и начал выезжать. Нужно было пропустить пешехода; я остановился у края тротуара, посмотрел направо и вдруг понял, что пить не хочу.

Совсем. Во рту ещё оставался вкус домашнего кофе, жажды не было. Стакан стоял рядом, тёплый, с аккуратно повёрнутым ко мне отверстием в крышке. Я даже этого движения не помнил, хотя, конечно, повернул его сам.

Триста девяносто рублей. Сумма небольшая, и досады из-

за денег я не чувствовал. Меня озадачило другое: в какой момент я решил купить кофе? На светофоре? После рекламы? Когда увидел вывеску?

Я перебрал короткую последовательность, но ни «хочу кофе», ни «заеду возьму» в ней не нашёл. Была вывеска, поворот, дверь, знакомое «как обычно?» — и вот он стоял рядом. Каждое действие помнилось, решение между ними не находилось.

Объяснить покупку, впрочем, было нетрудно. Впереди почти час дороги, потом совещание. Можно пить понемногу, пока стоишь в пробке. Я даже успокоился: ничего особенного, просто взял кофе с собой, как делал много раз.

Только перед поворотом к кофейне я ни о чём таком не думал.

Я пропустил пешехода, выехал в поток и на следующем светофоре сделал глоток. Кофе был хороший. От этого всё становилось ещё немного глупее.

⁂

Игорь уже был на работе. Я застал его в крайне напряжённом состоянии: он сидел, откинувшись в кресле, и рассматривал автомобильный сайт. Пиджак висел на спинке, возле клавиатуры остывала кружка. Когда я поздоровался, он ответил, не отрываясь от экрана.

— Я смотрю, утро тяжёлое.

— Очень.

— Клиент?

— Хуже.

— Начальство?

— Ещё хуже. Выбрать не могу.

Он развернул монитор. На фотографии стоял большой чёрный внедорожник, снятый так низко, что решётка радиатора занимала едва ли не половину изображения. За стёклами виднелся светлый салон.

— Красивый, — сказал я.

Игорь сразу придвинулся к столу.

— Вот! А ты внутри посмотри.

Он открыл следующую фотографию. Кожа, широкие сиденья, экраны в тех местах, где я по привычке искал кнопки.

— Тут вентиляция всех сидений, массаж, проекция, музыка какая-то сумасшедшая. И сзади экран.

— Ты часто ездишь сзади?

— При чём тут это?

— Просто интересно.

— Дети ездят.

— Они без экрана страдают?

Игорь повернул ко мне голову.

— Андрей, ты сегодня специально?

— Нет.

Я сел за своё место, поставил недопитый кофе у монитора и включил компьютер.

— Ты его брать собираешься?

— Думаю.

— А твоя?

— Что моя?

— Машина.

— Нормальная.

— Я знаю. Поэтому и спрашиваю.

Он убрал руку с мышки. Теперь ему явно хотелось понять, к чему я веду, и я почувствовал, что простой утренний разговор уже начинает напоминать спор.

— Два года машине, — сказал я.

— Два с половиной.

— Тем более. Практически антиквариат.

Игорь засмеялся и снова откинулся в кресле.

— Вот жене моей это скажи. Она вчера то же самое устроила. «Зачем менять? Зачем менять?» А я откуда знаю зачем? Хочу другую.

— Вот это уже честно.

— А что ещё надо? Я же не прошу государственную программу под это написать.

Он повернул монитор к себе и принялся объяснять первый взнос. Получалось, что взнос смешной, дальше рассрочка, а если продать старую машину, то всё вообще почти без напряга. Я открывал почту и кивал. Письма ещё не успели втянуть меня в работу, поэтому часть внимания оставалась у него.

— Андрей, ну ты только посмотри, как ночью салон светится.

— Игорь, я работаю.

— Пять минут назад сам пришёл.

— Поэтому и хочу создать видимость.

К нам подошёл Сергей из соседнего отдела. Он остановился за плечом Игоря с кружкой в руке и сразу узнал машину.

— О, эту смотришь?

— Ага. Ты ездил?

— В субботу тестил.

— Ну?

Сергей чуть прищурился, вспоминая, и улыбнулся с выражением, которого Игорь, видимо, и ждал.

— Очень хорошо.

— Слышал? — спросил Игорь меня.

— Я рад за вас обоих.

— Я себе тоже менять буду, — сказал Сергей.

— На такую?

— Не знаю пока. Может, на эту. Но в этом году точно надо.

Я повернулся к нему.

— Почему точно?

— В смысле?

— Почему менять надо?

— Моей уже три года.

Он отпил из кружки, считая вопрос исчерпанным. Игорь кивнул. Мне оставалось либо тоже кивнуть, либо продолжать расспрашивать человека о покупке, которая меня совершенно не касалась.

Я вернулся к почте. Три года так три года. Возможно, существовали правила эксплуатации жизни, которых я просто не читал.

⁂

Рабочий день быстро вернул всё на привычные места. Из одного письма появилось три новых дела, телефон зазвонил как раз тогда, когда я собирался кому-то позвонить сам. Нужно было проверить цифры, согласовать срок, найти документ, который отправляли ещё на прошлой неделе. К одиннадцати я уже забыл и про машину Игоря, и про кофе. Бумажный стакан так и стоял у монитора, успев остыть.

Виктор Павлович собрал нас на совещание. Он был хорошим начальником: не звонил ночью, не устраивал истерик, не пытался при каждом удобном случае доказать, что здесь он один умный. Если возникала проблема, с ним можно было разговаривать. За это его уважали.

Но раз в месяц в нём просыпался человек с презентацией.

В переговорной прикрыли жалюзи. На столе лежали распечатки, кто-то передавал по кругу ручку, которую потом обязательно забудут вернуть. Виктор Павлович дождался, пока мы рассядемся, и переключил первый слайд.

— Коллеги, результаты хорошие, но расслабляться рано.

Эта фраза всегда немного удивляла меня. При плохих результатах расслабляться было нельзя, при хороших — тоже. Я пока не встречал на совещаниях обстоятельств, при которых это занятие становилось допустимым.

— Рынок меняется быстрее, чем раньше. Конкуренты не стоят на месте. Клиент стал требовательнее. Поэтому наша задача на следующий квартал — ускориться.

На экране появилась стрелка вверх, затем ещё одна. Я записал цифру, которую он назвал: минимум двенадцать процентов. Рядом поставил вопросительный знак — хотел уточнить, за счёт каких направлений, — но Виктор Павлович сам перешёл к пояснениям.

Кто-то спросил про ресурс. Кто-то — про сроки. Начальник отвечал, возвращался на предыдущий слайд, показывал расчёты. Всё выглядело разумно. Компания действительно должна была зарабатывать, клиенты становились требовательнее, конкуренты не собирались ждать, пока нам станет удобнее работать.

Я слушал и в какой-то момент подумал: а что произойдёт после этих двенадцати процентов? Предположим, добавим. Тогда в следующем квартале надо будет ещё. Не обязательно двенадцать — можно десять или восемь. Разница почему-то перестала казаться существенной.

Стрелка на экране уверенно уходила вверх. Мне представился последний слайд, на котором она наконец останавливалась, а под ней было написано: «Всё. Теперь достаточно». Я едва не улыбнулся, но вовремя опустил глаза в записи.

После совещания Игорь плюхнулся в кресло и вытянул ноги под столом.

— Ну что, поздравляю. Снова растём.

— Ты не рад?

— Очень. Я с прошлого года только этим и занимаюсь.

— Может, ты уже вырос?

— Начальству скажи.

Он включил монитор, а я положил распечатки возле клавиатуры. В таблице передо мной стояли понятные цифры, но вопрос никак не хотел остаться в переговорной.

— А вообще куда мы всё время растём?

Игорь посмотрел на меня поверх экрана.

— В деньгах, желательно.

— Нет, серьёзно.

— Опять началось.

— Что?

— У тебя с утра вопросы какие-то странные. То машину мне запретить хочешь, теперь рост компании.

— Я ничего не запрещаю.

— Тогда чего тебе?

Я повертел ручку в пальцах. Ответить так, чтобы это не выглядело жалобой на работу, оказалось неожиданно трудно.

— Просто думаю: а если мне, например, нормально там, где я есть?

Игорь помолчал.

— В смысле по должности?

— Ну да.

— Тебе повышение не нужно?

«Нужно» было готово сразу. Я даже успел набрать воздух, чтобы ответить, но задержался. Перед глазами почему-то осталась стрелка с экрана.

— Не знаю.

Игорь отодвинулся от стола и внимательно посмотрел на меня.

— Всё понятно.

— Что тебе понятно?

— Сорок шесть?

— Иди к чёрту.

— Я серьёзно. Классика. Сейчас пару месяцев походишь задумчивый, потом купишь мотоцикл.

— У меня семья.

— Значит, большой мотоцикл.

Мы рассмеялись, и разговор закончился. Игорь открыл рабочую программу, я ответил на звонок. Дела снова потребовали внимания, но чуть позже, уже набирая письмо, я вспомнил собственное «не знаю» и почувствовал неловкость. Будто признался в чём-то, чего взрослому человеку с хорошей работой признавать не положено. Хотеть следующую должность было понятно. Не знать, нужна ли она тебе, — уже требовало объяснения.

⁂

За обедом нас сидело пятеро. Мы сдвинули столы, кому-то не хватило салфетки, и первые минуты разговаривали через стук приборов и просьбы передать соль. Сергей рас-

сказывал про телевизор, который присмотрел.

— Сто дюймов.

Игорь отставил стакан.

— Тебе зачем сто дюймов?

— Кино смотреть.

— У тебя комната сколько?

— Двадцать два квадрата.

— Отлично. Можно будет новости смотреть по частям. Сначала левую половину ведущего, потом правую.

Сергей засмеялся вместе со всеми, но от покупки отказываться не собирался.

— Зато один раз поставил и забыл.

— Пока сто двадцать не выйдет, — сказал я.

— Сто двадцать мне не влезет.

— Значит, придётся квартиру менять.

— Вот! — вмешалась Ольга. — Я поэтому вообще телевизор не хочу. Проектор поставлю.

— Проектор тоже нормальная тема, — одобрил Сергей.

От телевизора разговор перешёл к ремонту, затем к квартирам и почти незаметно — к отпускам. Ольга хотела на Мальдивы, Игорь собирался в Дубай. Сергей что-то слышал про виллу в Таиланде и теперь показывал фотографии, держа телефон над столом. Кто-то упомянул Турцию.

— Ой, Турция уже не то, — сказала Ольга.

— А что с ней случилось?

Она посмотрела на меня поверх чашки.

— Ничего. Просто надоело уже.

— Ты давно там была?

— Лет пять назад, наверное.

— И за пять лет успело надоесть?

Ольга прищурилась, но улыбка ещё оставалась.

— Андрей, ты сейчас протокол составляешь? Не страна надоела. Сам формат. Хочу на Мальдивы, можно?

— Конечно.

— Спасибо. Разрешил.

Игорь повернулся ко мне.

— Ты реально сегодня какой-то подозрительный.

— Просто спрашиваю.

— Вот именно. Обычно ты ешь.

Я занялся остывающим обедом. Ольга продолжила рассказывать про отель; Сергей уточнил, далеко ли от аэропорта. Никто не спорил, разговор снова потёк спокойно. Но я почему-то слышал в нём отдельные слова отчётливее остального: «уже», «пора», «надо», «сейчас», «все», «нормально», «так принято».

Я сам употреблял их десятки раз в день. Раньше они помогали не объяснять лишнего, и собеседник обычно понимал. Теперь мне всё время хотелось уточнить, что именно стоит за каждым из них. Я доел и промолчал: за одним столом со мной сидели коллеги, которым хотелось спокойно поговорить об отпуске.

⁂

Под вечер Лена написала: «Зайдёшь в магазин?» Следом пришёл список — молоко, яйца, сыр, яблоки. Четыре позиции. Я даже подумал, что с этим справлюсь без дополнительного образования, и ответил, что зайду.

В магазине было ярко после улицы. У входа кто-то перекладывал покупки из корзины в тележку, мешая пройти; дальше, у овощей, женщина долго выбирала между двумя одинаковыми пакетами. Я взял небольшую корзину и пошёл за молоком. Яйца лежали рядом, яблоки нашлись быстро. За сыром собирался вернуться к холодильникам.

Возле винного отдела стояла табличка: «СКИДКА 25% ПО КАРТЕ». Я остановился прежде, чем успел прочитать названия на бутылках. Пить вина мне не хотелось, но четверть цены выглядела достаточным основанием, чтобы хотя бы посмотреть.

Одна бутылка показалась знакомой. Вроде брал когда-то — или похожую, с такой же неброской этикеткой. Я поднял её, повернул к свету, попытался вспомнить вкус. Не вспомнил, зато снова увидел скидку и положил в корзину.

Дальше был кофе. Дома имелись две пачки, я точно помнил их в шкафу, но на полке стоял другой сорт, тоже по акции. Несколько секунд я читал оборотную сторону упаковки, затем взял её. Уже через проход не смог бы сказать, чем именно этот кофе отличался от нашего. На упаковке было написано достаточно, чтобы во время чтения разница казалась очевидной.

У кассы попались орехи с новым вкусом. Я взял и их, придержал бутылку, чтобы не стукнулась о край корзины, и начал выкладывать покупки. Сумма оказалась почти вдвое больше ожидаемой. Кассир посмотрела на меня, ожидая оплаты; я приложил телефон и отступил в сторону, освобождая место следующему.

Только у машины я заглянул в пакет и вспомнил про сыр.

Он так и остался в холодильнике магазина. Из четырёх вещей, ради которых я заехал, одной не было. Зато были вино, кофе и орехи, которых никто не просил.

Я постоял у открытого багажника. На парковке кто-то пытался выехать задним ходом, коротко гудел сигнал; я автоматически подвинулся ближе к машине, хотя никому не мешал. Мне было смешно и немного неловко — словно я только что поддался чужим уговорам и поздно понял, что произошло. Но никто ко мне не подходил. Не предлагал товар, не хвалил, не убеждал.

Я всё выбрал сам.

Объяснить тоже мог каждую покупку. Вино пусть стоит до выходных. Кофе всё равно закончится, а орехи вечером съедим с чаем. Я укладывал пакеты в багажник, и на каждую вещь находился вполне разумный ответ. Ничего лишнего, если посмотреть так.

Только у полок я, кажется, думал совсем о другом. О скидке. О том, что этот кофе ещё не пробовал. Что орехи можно взять, раз уж попались. Выходные и вечерний чай появились

уже здесь, когда я смотрел на купленное.

Я закрыл багажник. За сыром возвращаться не хотелось.

⁂

Лена разбирала пакеты на кухне. Я снял куртку, вымыл руки и вернулся как раз к тому моменту, когда она закончила выкладывать покупки на стол.

— Молоко… яйца… яблоки… А сыр?

Я остановился у дверного проёма.

— Забыл.

— Отлично.

— Завтра куплю.

Она достала бутылку и посмотрела на этикетку.

— А это?

— Скидка была.

— Я вижу. А зачем оно нам?

— Выпьем.

— Когда?

— Когда-нибудь.

— Прекрасный повод.

Я взял яблоки и понёс к раковине, чтобы тоже участвовать в полезной деятельности. Лена тем временем извлекла кофе. Некоторое время она молча держала пачку так, чтобы я мог её видеть.

— Андрей.

— Что?

— У нас две пачки.

— Этот другой.

— Конечно другой. Если бы был такой же, было бы совсем обидно. Чем другой?

Я вытер руки, взял упаковку и нашёл мелкий текст на обороте.

— Здесь… другой регион.

— Какой?

Я посмотрел ещё раз.

— Лен, не начинай.

Она рассмеялась.

— Это я не начинаю. Ты сегодня утром детям рассказывал, что они ведутся на рекламу.

— Я не рассказывал.

— Практически рассказывал.

— Я задавал вопросы.

— Ещё хуже.

Она открыла шкаф и поставила новую пачку рядом с двумя прежними. Они поместились не сразу; пришлось передвинуть банку, и это маленькое усилие почему-то сделало мою покупку особенно заметной.

— Вот будет тебе тема для следующего семейного допроса.

— Я никого не допрашиваю.

— Конечно. А это что?

Она держала орехи.

— Новый вкус.

Лена посмотрела на меня, подождала секунду и сказала точно моей интонацией:

— Понятно.

— Что понятно?

— Ничего.

Я засмеялся.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Она убрала пустой пакет, закрыла шкаф и вдруг вспомнила что-то.

— Кстати. Я хотела тебе показать.

У меня сразу возникло нехорошее предчувствие. Последнее время эта фраза часто означала недвижимость.

— Лен…

— Да просто посмотри. Я же не говорю, что завтра переезжаем.

Она достала телефон и встала рядом со мной у стола. На экране была большая кухня-гостиная: светлые стены, окна почти в пол, диван, на котором, судя по всему, никогда никто не лежал с тарелкой. На столе стояла ваза с одной веткой. Я почему-то сразу заметил, как много свободного места оставлено вокруг неё.

— Сто двадцать семь метров, — сказала Лена.

— Зачем нам сто двадцать семь метров?

— А сколько нам надо?

— Не знаю. У нас девяносто с лишним. Мне хватает.

— Тебе всегда хватает.

Она произнесла это без раздражения. Я не понял, похвала это или диагноз.

— А тебе нет?

Лена приблизила фотографию.

— Смотри. Здесь у детей комнаты побольше. У Макса можно будет и стол нормально поставить, и место останется. Он уже здоровый лось. Через два года вообще дверь не закроется.

— Закроется.

— Ты понял, о чём я.

— Понял.

— Потом гардеробная. Нормальная, а не наш шкаф, из которого зимой на тебя падает летняя одежда. Два санузла.

— Вот два санузла — аргумент.

— Наконец-то конструктив.

Она листала фотографии, а я постепенно перестал искать, к чему придраться. Окна были хорошие. Свет на снимке падал сбоку, через всю комнату, и даже пустые стены от этого выглядели обжитыми. Диван, правда, поставили неудачно: с него пришлось бы смотреть на телевизор под углом. Я уже прикинул, как развернул бы его сам.

— Видишь? — сказала Лена.

— Что?

— Уже понравилось.

— Ничего мне не понравилось.

— Ты сейчас мебель переставлял.

Я повернулся к ней.

— Откуда ты знаешь?

— Я с тобой двадцать лет живу.

Лена улыбнулась и открыла следующий снимок.

— И кухня здесь нормальная.

— А наша ненормальная?

Она оглянулась. На столе ещё лежали орехи, возле раковины стояли вымытые яблоки, на ручке духовки висело полотенце.

— Нормальная.

— Тогда зачем другая?

— Господи, Андрей, нельзя всё измерять только «работает — не работает».

— Почему?

— Потому что мы не на складе живём. Иногда человеку просто хочется по-другому.

Она снова посмотрела на экран, но фотографию уже не увеличивала.

— Мне надоела эта кухня.

— Ей пять лет.

— Я знаю, сколько ей лет. Я при ней присутствовала.

Я улыбнулся.

— А пять лет назад, когда поставили, тебе нравилась?

— Очень.

— И когда перестала?

Лена опустила телефон. До этого мы спорили привычно, почти играя, а теперь она пыталась понять, чего я от неё добиваюсь.

— Андрей, ты опять что-то исследуешь?

— Ничего я не исследую.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Я посмотрел на кухню её глазами — насколько сумел. Мы выбирали её вместе, но большую часть времени здесь проводила Лена. Возможно, ей надоел цвет, расположение шкафов или просто один и тот же вид каждый день. В квартире на фотографиях действительно были удобные вещи; дети росли, денег теоретически хватало. Люди переезжают по таким причинам, и ничего загадочного в этом нет.

И всё же мне хотелось узнать, когда хорошая кухня успела стать той, которую пора менять. Не дату ремонта, не количество прожитых лет. Сам переход, который мы оба, видимо, пропустили.

— Просто интересно, — сказал я.

Лена погасила экран.

— Иногда хочется по-другому, Андрей. Без судебного разбирательства.

— Ладно.

Она коснулась моей руки и улыбнулась.

— Вот и договорились.

Я не был уверен, о чём именно, но уточнять не стал.

⁂

За ужином Макс снова вспомнил про наушники. Он дождался, пока Лена сядет и первые минуты обычных разговоров закончатся, затем положил телефон рядом с тарелкой экраном вниз. Подготовленность этого движения меня позабавила.

— Я тебе скинул ссылку.

— Видел.

— Посмотрел?

— Посмотрел.

— И?

Я выдержал паузу.

— Красивые.

Макс положил вилку.

— Пап. Там характеристики есть.

— Я их тоже видел.

— И?

— Твои ещё работают.

Он откинулся на спинку стула и вздохнул так тяжело, будто теперь разговор предстояло начинать с самого начала.

— Работают.

— Значит, пока нет необходимости.

— А обязательно ждать, пока они сломаются?

Лена подняла глаза.

— Хороший вопрос, между прочим.

— Вот, — сказал Макс и сразу сел ровнее.

— Спасибо, — сказал я Лене.

— Пожалуйста. Я за развитие дискуссии.

Она продолжила есть. Я заметил едва удерживаемую улыбку и понял, что после моего похода в магазин на безоговорочную поддержку рассчитывать не приходится.

— Они сейчас дешевле, — продолжил Макс. — Потом цена вернётся.

— Не купим сейчас — потеряем деньги?

— Ну… получается да.

— Великолепная экономика.

— Пап, ну серьёзно. Я же не каждую неделю прошу.

Он произнёс это тише, без прежней настойчивости, и я перестал улыбаться. Макс действительно не был избалованным ребёнком. Мог сильно чего-то хотеть, потом месяцами пользоваться старым и не устраивать трагедии. Сейчас он принёс мне то, что казалось ему убедительным, а я отвечал так, будто заранее знал, чем всё закончится.

— Они тебе реально нравятся?

— Да.

— Или потому что новая модель?

Он немного подумал, глядя в тарелку.

— И то и другое.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Ответ.

— Пап, ты странный сегодня.

— Мне это уже говорили.

Соня, терпеливо дожидавшаяся своей очереди, немедленно вмешалась:

— А мои кроссовки?

Макс засмеялся.

— Началось.

— Что началось? Тебе можно, а мне нет?

— У тебя обуви миллион.

— Неправда!

— В прихожей пройти невозможно.

— Потому что там твои кеды!

Лена положила вилку.

— Дети, если вы хотите убедить отца что-то купить, возможно, стратегия «устроить скандал» не самая сильная.

Соня повернулась ко мне и придвинулась к столу, словно разговор теперь следовало вести без посредников.

— Мне просто эти нравятся.

— Утром ты говорила, что твои уже никто не носит.

— Ну и это тоже.

— А кто именно не носит?

— Девочки.

— Какие?

Она потёрла пальцем край салфетки.

— Пап…

— Нет, мне правда интересно.

— Настя, Вика… Маша вроде носит похожие. Но у неё другие.

— Получается, всё-таки кто-то носит?

Соня посмотрела на Лену с выражением человека, которому обещали справедливый суд, а вместо этого предложили запутаться в показаниях.

— Мам, скажи ему.

Лена засмеялась.

— Не могу. Он сегодня весь день выясняет, почему люди чего-то хотят. Потерпите. Может, завтра пройдёт.

— А что тут выяснять? — спросил Макс.

Я посмотрел на него.

— Вот ты хочешь новые наушники. Когда ты первый раз понял, что хочешь именно их?

— Когда увидел.

— Где?

— Не помню.

— У друга?

— Нет… Вроде обзор попался.

— Ты его искал?

— Нет. Сам вылез. Потом ещё один посмотрел.

— И тогда захотел?

— Ну да.

Он ждал продолжения, и я вдруг почувствовал, что сам не знаю, к чему веду. Если бы сын искал обзор специально, это объяснило бы желание? Или вопрос просто пришлось бы задать чуть раньше?

Соня ковырнула вилкой еду.

— А кроссовки мне Вика показала.

— Вот, — сказал Макс. — Всё, расследование раскрыто.

— Можно теперь спокойно доесть? — спросила Лена.

Я улыбнулся и кивнул. Несколько минут мы ели молча. Соня потянулась за водой, Макс снова придвинул тарелку. Я уже решил, что разговор закончился, когда он сказал:

— Я вообще не понимаю, что тебя удивляет.

— Что именно?

— Ну откуда мы узнаём про вещи. Откуда все. Из интернета, от друзей… Везде.

Он пожал плечами и занялся ужином. Слово прозвучало без всякого значения, просто в конце перечисления. Я сначала почти пропустил его, а потом почему-то запомнил.

Везде.

⁂

После ужина я сел на диван. В комнате горела одна лампа; на тёмном экране телевизора отражалось окно, за которым уже зажглись соседние окна. Из кухни доносился шум воды. Соня что-то рассказывала Лене, Макс ушёл к себе. Обычный вечер, когда наконец можно ничего не решать.

Телефон почти сразу оказался в руке. Я прочитал пару сообщений, открыл новости, перешёл к видео. Первым попался автомобиль, похожий на тот, который утром показывал Игорь. Задержался на несколько секунд, посмотрел, как открывается дверь и загорается подсветка, потом пролистал.

Следующее видео было про ремонт: большая кухня-гости-

ная, натуральный камень, скрытые двери. Человек в кадре объяснял, без каких решений теперь невозможно представить современный интерьер. Я усмехнулся и двинул пальцем по экрану.

Наушники. Именно та модель. Парень с хорошими зубами рассказывал о шумоподавлении. Затем кроссовки — не точно Сонины, но очень похожие.

Я перестал листать. Ролик продолжался, и через несколько секунд начался заново. Одно и то же движение, та же белая подошва крупным планом.

Ничего загадочного в совпадениях не было. Ссылку Макса я открывал сам. На квартиры Лены смотрел, машину Игоря обсуждал и, кажется, потом тоже что-то искал. У приложений было достаточно сведений о моих интересах без всякой мистики. Но в этот вечер меня впервые заинтересовало не то, сколько телефон знает обо мне.

За день я выслушал столько желаний, что мог бы составить список. Максу нужны наушники, Соне — кроссовки, Игорю — машина. Сергей присмотрел телевизор и тоже собирался менять автомобиль. Ольга хотела на Мальдивы, Лена — в новую квартиру, Виктор Павлович — прибавить двенадцать процентов. Я сам хотел повышения. Наверное. Утром это казалось очевиднее, чем теперь.

Я опустил телефон и оглядел комнату. Телевизор, колонки, игровая приставка. Под креслом стоял робот-пылесос, который застревал там с упорством, плохо совместимым с

определением «умный». На столике лежал планшет. Всё хорошее, выбранное, оплаченное; большинство этих вещей я покупал с удовольствием и отказываться от них не собирался.

Никто меня не заставлял. Я хорошо помнил, как сравнивал телевизоры, ждал доставку кофемашины, распаковывал часы. Помнил, как первые две недели оглядывался на новую машину, уже отойдя от неё на несколько шагов.

А вот когда впервые захотел каждую из этих вещей — почти не помнил. Воспоминание начиналось с того, что я уже выбирал. Читал обзоры, искал цену, решал, какой цвет лучше. Мог подробно объяснить преимущества покупки. Самое начало оставалось где-то за пределами этого рассказа.

Я попробовал вспомнить кофемашину. Когда-то спокойно пил кофе из турки. Потом начал смотреть аппараты и довольно быстро узнал, сколько бар должно быть у хорошей помпы и чем один жернов отличается от другого. Но что было перед первым поиском? С чего вдруг мне понадобилось во всём этом разбираться?

Из кухни вышла Лена, спросила, видел ли я её зарядку. Я показал на подоконник, она забрала провод и ушла. За несколько секунд обычного разговора мысль почти потерялась. Я снова посмотрел на телефон, затем положил его рядом на диван.

Экран вскоре загорелся. Я видел боковым зрением светлую полоску уведомления, но читать не стал. Просто захоте-

лось узнать, что будет, если оставить его как есть.

Ничего не произошло. Экран погас, и в комнате снова стало чуть темнее.

⁂

На следующий день в офисе обсуждали премию. Квартал шёл хорошо, цифры уже позволяли надеяться, и разговор о деньгах впервые за долгое время был достаточно конкретным, чтобы мысленно их потратить.

Сергей стоял возле стола Игоря, Ольга размешивала кофе. Я ещё не успел снять пиджак, когда услышал:

— Если дадут как обещали, я машину беру.

— Я тоже, — сказал Игорь, оторвавшись от монитора.

— Ты уже вчера брал.

— Вчера смотрел. Это разное.

— А я сразу отпуск оплачу, пока не передумала, — сказала Ольга.

— Мальдивы?

— Если муж цену увидит раньше оплаты, будут уже не Мальдивы.

Она улыбнулась и попробовала кофе. Сергей повернулся ко мне:

— А ты куда премию?

Я почему-то растерялся. Раньше отвечал легко: что-нибудь всегда находилось. Теперь несколько готовых вариантов промелькнуло в голове, и каждый показался не совсем моим ответом на вопрос, который ещё секунду назад выглядел

простым.

— Может, ремонт, — сказал я наконец.

— Ты же недавно делал, — заметил Игорь.

— Пять лет назад.

Сергей кивнул.

— Ну вот. Уже пора.

Никто не засмеялся. В его голосе не было ни иронии, ни попытки меня убедить. Он просто назвал срок, с которым мы все, по-видимому, были согласны. Я тоже кивнул, положил сумку и сел.

Пять лет. Уже пора.

На экране открылась вчерашняя таблица, но я не сразу вспомнил, на чём остановился. Перед глазами ещё стояла Лена с телефоном, её палец на фотографии кухни. Потом вспомнились наушники Макса, Сонины кроссовки, машины Игоря и Сергея, которым уже пришла пора на замену. Турция, которая успела стать «не то» даже без Ольги. Стрелка на совещании.

Я попытался вернуться к цифрам. Все эти разговоры происходили по разным поводам, и связывать их было вроде бы незачем. Дети росли, техника менялась, людям хотелось нового. Я сам мог привести доводы в пользу почти каждой покупки.

Только в памяти почему-то оставались слова, после которых доводы уже не особенно требовались. «Пора». «Уже». «Сейчас». Вещь могла исправно работать, но считаться ста-

рой; квартира — быть удобной, но нуждаться в замене. Даже хорошего положения на работе было недостаточно, если человек слишком долго оставался в нём доволен.

— Андрей.

Я поднял голову.

— Что?

— Если будешь ремонт делать, у меня есть контакт нормальных ребят, — повторил Игорь.

— А. Давай потом.

— Ты чего завис?

— Да так.

Он вернулся к своему экрану. Я посмотрел в таблицу, нашёл нужную строку и всё-таки начал работать. Рассказывать было нечего. То, что меня задержало, не складывалось в мысль достаточно ясную, чтобы произнести вслух.

Скорее ощущалось как тонкая трещина на стекле. Из-за такой не станешь немедленно менять стекло; её и заметить можно не сразу. Если же однажды увидел, продолжаешь смотреть сквозь неё, как прежде, но взгляд время от времени возвращается именно к этому месту.

Я тогда ещё не думал ни о системе, ни об управлении, ни о свободе. Такие слова были слишком велики для того, что со мной происходило. Мне просто стало странно: мы очень хорошо умели объяснять, чего хотим, и значительно хуже помнили, с чего это желание началось.

⁂

Через несколько дней я снова ехал на работу. Навигатор вёл привычной дорогой, музыка играла негромко. У светофора всё так же скапливались машины, пешеходы выходили на переход ещё до того, как поток успевал окончательно остановиться. Я увидел вывеску кофейни и включил поворотник.

На парковке нашлось место. Я заглушил двигатель, взял телефон, вошёл. Внутри было тепло; за стойкой шипела кофемашина, у окна кто-то сидел, склонившись над ноутбуком. Девушка подняла голову и улыбнулась.

— Доброе утро. Как обычно?

Я уже собирался сказать «да». Ответ был готов и, кажется, почти прозвучал, но задержался на вдохе.

— Как обычно? — повторила она.

Я посмотрел на меню над её головой, на бумажные стаканы, сложенные друг в друга. Девушка ждала, не торопила. Достаточно было кивнуть, и через несколько минут я снова сидел бы в машине со своим кофе.

Впервые я спросил себя не какой взять, а хочу ли вообще. Прислушался к этому настолько буквально, что почувствовал вкус кофе, выпитого дома, и тепло под шарфом.

Не хотел.

— Нет, — сказал я.

Она на секунду растерялась.

— Другой хотите?

— Нет. Спасибо. Вообще не надо.

— Хорошо.

Она отставила стакан и занялась чем-то у кофемашины. Человек за столиком не поднял головы. Я постоял ещё мгновение, словно должен был объяснить, зачем тогда пришёл, но объяснений никто не ждал.

На улице я застегнул куртку, вернулся к машине и выехал с парковки. Первые несколько минут всё было нормально. Потом появилось ощущение, будто я что-то забыл.

Я посмотрел на соседнее сиденье. Сумка лежала на месте, телефон был передо мной. Перевёл взгляд на подстаканник и задержался.

Пустой.

Именно этого не хватало — стакана на привычном месте. Я по-прежнему не хотел пить, но взгляд возвращался к углублению между сиденьями. Теперь, когда я понял причину, неудобство должно было исчезнуть. Вместо этого я ещё раз подумал о кофейне, словно оставил там что-то своё.

На светофоре остановился и посмотрел на пустой подстаканник уже намеренно. Вопрос, который весь день прежде распадался на чужие покупки, слова и собственные объяснения, вдруг оказался совсем простым:

Если я этого не хотел, почему без этого мне чего-то не хватает?

Загорелся зелёный. Сзади сразу посигналили, я тронулся и занял своё место в потоке. Нужно было перестроиться, потом повернуть; впереди ждала работа. Через минуту вопрос

почти растворился среди машин и утренних дел.

Почти.

Тонкая линия на стекле уже никуда не исчезла. И, кажется, стала немного длиннее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАБЛЮДЕНИЕ

Несколько дней после истории с кофе я почти ничего не предпринимал. По утрам за окном так же медленно светлело, Лена напоминала детям про завтрак, а я искал телефон, который обычно оказывался там, куда сам его положил. Ни одно из этих занятий не требовало от меня нового понимания жизни.

Я не бросил пить кофе, не удалил приложения и, к счастью, не объявил семье, что отныне мы будем жить осознанно. Уже на следующее утро снова купил американо по дороге на работу. Правда, перед знакомой вывеской успел заметить, как рука легла на рычажок поворотника. На секунду задержал движение, потом всё-таки свернул. Девушка за стойкой спросила, как обычно ли мне, и я ответил утвердительно, даже с некоторым облегчением: можно было просто взять кофе и ехать дальше.

Раньше я почти не замечал, как одно переходило в другое. Загорался экран — телефон оказывался в руке; попадалась интересная вещь — я уже читал отзывы. Если потом спрашивал себя зачем, ответ находился без особого труда. Теперь иногда возникала короткая задержка, за которую я успевал спросить: а я сейчас действительно этого хочу?

Вопрос оказался неудобнее, чем выглядел. Иногда я хотел. Иногда не мог понять. А порой само желание разобраться мешало настолько, что хотелось поскорее купить, открыть или посмотреть — лишь бы перестать допрашивать себя по пустякам.

Однажды вечером я нашёл в ящике стола старый блокнот. Он лежал под проводами и инструкцией к прибору, которого у нас, кажется, уже не было. Чёрная обложка чуть потёрлась по углам, резинка растянулась. На первых трёх страницах сохранился список рабочих задач; несколько были аккуратно зачёркнуты, остальные, по всей видимости, разрешились без участия письменности.

Я унёс блокнот на кухню. Дети уже разошлись по комнатам, над столом горел небольшой свет, а в окне отражались мои руки и белый прямоугольник страницы. Когда долго смотришь на чистую бумагу, любое намерение начинает казаться немного претенциозным. В сорок шесть лет человек, который сидит ночью с ручкой и собирается что-то записать о себе, либо приступает к мемуарам, либо признаёт, что у него появились проблемы. Ни один вариант мне не нравился.

Я написал: «Чего я хочу?» Подержал ручку над строкой и добавил: «Почему?» Последний вопрос занял больше времени: «Когда я впервые этого захотел?»

Получилось похоже на анкету из кабинета психолога. Я закрыл блокнот и отодвинул его к краю стола. Посидел, при-

слушиваясь к воде в трубах. Потом подтянул обратно.

⁂

С квартирой было проще всего начать: Лена не давала забыть о ней. К тому варианту, который показывала несколько дней назад, она нашла ещё два, и в субботу утром я застал её за кухонным столом с планшетом. Рядом остывал чай. Время от времени она проводила пальцем по экрану и чуть отстранялась, словно хотела оценить комнату издали.

— Ты опять?

— Что «опять»? — спросила она, не поднимая головы.

— Квартиры.

— Я просто смотрю.

— Это именно так начинается.

Теперь она посмотрела на меня. По тому, как приподнялась одна бровь, я понял, что мне предлагают продолжить на собственный страх и риск.

— Потом ты скажешь: «Мы же просто посмотрим район». Потом окажемся на просмотре. Потом ты начнёшь выбирать цвет стен.

— Ты обо мне очень высокого мнения.

— Я тебя знаю.

— Ты в прошлый раз сам диван переставил.

— Мысленно.

— Это ещё опаснее.

Она сдвинула чашку, освобождая мне место. Я налил кофе и сел рядом, собираясь посмотреть из вежливости. На

экране снова была та квартира — сто двадцать семь метров. Лена открыла план и увеличила его двумя пальцами. Мебель на схеме была нарисована тонкими линиями; между диваном и столом оставалось столько свободного места, что я невольно сравнил его с нашей гостиной.

На плане значились мастер-спальня, гардеробная, постирочная, два санузла и кухня-гостиная почти тридцать метров. Лена коснулась одной из комнат.

— Здесь Максу можно. Почти пятнадцать метров.

— Максу через четыре года, может, вообще комната в нашей квартире не понадобится.

— Почему?

— Потому что ему восемнадцать будет.

— И что, ты его сразу выселишь?

— Я говорю, что мы собираемся покупать квартиру из расчёта на человека, который через несколько лет может захотеть жить отдельно.

— Может. А может не захотеть.

— Тогда будет жить.

— Андрей, ты сейчас специально находишь причины?

Я поднял чашку и сделал глоток, хотя кофе был ещё слишком горячим. Ответить сразу означало бы соврать увереннее, чем я был готов. Возможно, именно этим я и занимался: подыскивал доводы, чтобы ничего не менять, и называл это здравым смыслом.

— Просто пытаюсь понять, зачем нам сто двадцать семь

метров.

— Я тебе уже объясняла. У детей комнаты будут побольше. Тебе можно устроить отдельное рабочее место, чтобы ты вечером не сидел с ноутбуком в спальне. Вещи убрать в гардеробную. Второй санузел — ты сам сказал, что это аргумент. И ещё…

— Постирочная.

— Не издевайся.

— Я не издеваюсь. Просто слово нравится. Сразу чувствуешь, что вышел на новый жизненный уровень.

Лена засмеялась и откинулась на спинку стула.

— Господи, какой ты зануда.

— А сейчас у нас что вместо постирочной?

— Стиральная машина в ванной.

— И она справляется.

— Андрей.

— Что?

Она некоторое время смотрела на меня, уже без улыбки. Я знал этот взгляд: Лена решала, стоит ли продолжать спор, в котором каждый собирается доказать то, с чем пришёл.

— Ты понимаешь, что, если бы люди рассуждали как ты, мы до сих пор жили бы в однокомнатной?

— Почему?

— Потому что в ней тоже всё справлялось.

Я хотел возразить, но вспомнил складной стол. Когда кто-нибудь задевал его коленом, чашки тихо звякали, и мы оба

придерживали столешницу — каждый со своей стороны. Телевизор стоял на коробке. Вместо шкафа у нас был тканевый чехол на металлических трубках, купленный на месяц и проживший с нами три года. Молния внизу давно разошлась, но мы приспособились закрывать её не до конца.

Тогда квартира казалась огромной, хотя я мог пройти её из конца в конец быстрее, чем Лена успевала договорить просьбу из кухни. Она была нашей, и это изменяло её размеры сильнее, чем любая перепланировка. Мы хотели нормальную мебель, машину, жильё побольше; в скромности нашего быта не было никакого убеждения. Просто многое ещё предстояло, и вечерами мы с удовольствием обсуждали, каким оно будет.

Я оглядел кухню. На краю столешницы лежала Сонина резинка для волос, из хлебницы торчал угол пакета. Пять лет назад мы долго выбирали эти фасады, прикладывали образцы к стене и спорили, каким получится цвет при искусственном свете. Теперь утреннее солнце падало на них, на холодильник, на кофемашину; всё оставалось целым, удобным, нашим. Но рядом с открытым планшетом кухня уже требовала объяснения: почему мы всё ещё живём именно так?

— Ты чего задумался? — спросила Лена.

— Вспомнил нашу первую квартиру.

Её лицо сразу смягчилось.

— С зелёным диваном?

— Он был серый.

— Андрей, он был зелёный.

— Ты сама его выбирала.

— Поэтому я точно знаю, какого он был цвета.

— Ну хорошо. Зелёный.

— Ужасный был диван.

— А ты радовалась.

— Конечно радовалась. У нас до него вообще дивана не было.

Она улыбнулась воспоминанию, которого я, видимо, не видел, затем снова придвинула планшет.

— В том-то и дело. Всё меняется.

Я посмотрел на её руку у края экрана. Возражать было нечему: менялось действительно многое. Дети выросли, мы стали больше зарабатывать, чаще оставались работать дома. Только я не мог вспомнить, когда именно наша квартира перестала быть той, в которую так хотелось переехать. Никакого отдельного дня для этого, наверное, не понадобилось.

⁂

Макс тем временем продолжал изучать наушники. За несколько дней он узнал про кодеки, частоты, микрофоны и какие-то алгоритмы шумоподавления, о существовании которых я прежде не подозревал. Если бы школьная программа была устроена как подготовка к покупке новой техники, за его будущее можно было бы не тревожиться.

Однажды вечером, проходя мимо его комнаты, я услышал из ноутбука уверенный молодой голос:

— Если вы являетесь владельцем предыдущего поколения, вопрос обновления, на мой взгляд, очевиден…

Дверь была открыта. Макс сидел за столом, сдвинув наушники на шею; на тетради перед ним лежала мышка. Лампа освещала только край стола, и его лицо казалось бледнее в свете экрана.

— Вопрос очевиден? — спросил я.

Он вздрогнул и нажал на паузу.

— Пап, ты можешь не подкрадываться?

— Я не подкрадывался. Дверь открыта.

На экране парень застыл с белым кейсом в руке и приоткрытым ртом. За его плечом ровными рядами стояли коробки; весь этот аккуратный фон внушал доверие, хотя я не смог бы объяснить почему.

— Это уже какой обзор?

— Не знаю.

— Примерно. Пять?

Макс пожал плечами.

— Может.

— Десять?

— Пап.

В этом коротком обращении было достаточно усталости, чтобы я вспомнил, зачем вообще остановился. Мне хотелось поговорить с сыном, а начинал я опять с проверки.

— Ладно. Что нового узнал?

Он развернулся ко мне охотнее. Минут пять объяснял раз-

ницу между старой и новой моделью, возвращался к таблице характеристик, показывал что-то на графике. Я слушал, опершись плечом о дверной косяк, и постепенно начал разбирать знакомые слова. Новая модель действительно была лучше почти во всём, но величина каждого улучшения оставалась для меня неясной.

— Вот здесь, смотри.

Макс отмотал видео. Парень рассказывал, что после недели использования возвращаться к предыдущей модели уже не хочется.

— Почему? — спросил я.

— Потому что хуже.

— Твои вчера были нормальными.

— Нормальные.

— А сегодня?

Макс взглянул на наушники у себя на шее.

— Тоже нормальные.

— Тогда я запутался.

Он откинулся на спинку кресла, и я понял, что на этот раз задел его всерьёз. Он потратил несколько вечеров, разобрался, пришёл с доводами, а я снова свёл всё к вопросу, работают ли старые.

— Ты просто специально всё упрощаешь.

— Возможно.

Я уже собирался уйти, когда он снял наушники и протянул мне.

— Держи. Послушай.

— Я их слышал.

— Послушай сейчас, а потом я тебе новые в магазине дам. Сам почувствуешь разницу.

Я надел их. Комната отдалилась: мягко закрылся шум из коридора, заиграла музыка. Я различал инструменты, слышал, как перед вступлением певец набрал воздух. Макс смотрел на меня снизу вверх и ждал.

— Хорошо, — сказал я.

— Вот.

— Что «вот»? Я и раньше говорил, что они хорошие.

Он засмеялся, и напряжение между нами ослабло.

— Ты невозможный.

Я вернул наушники.

— Скажи честно: до этих обзоров тебя что-нибудь в них не устраивало?

Макс провёл пальцем по дужке. На этот раз он не торопился отвечать.

— Наверное, нет.

— А сейчас?

— Сейчас я знаю, что есть лучше.

Я помолчал, подыскивая следующий вопрос, но он успел первым:

— Ну теперь хочешь?

— Что?

— Новые.

— Нет.

— Врёшь. Ты уже характеристики посмотрел.

— Потому что ты меня заставил.

— Какая разница? Теперь знаешь.

Он надел наушники и повернулся к ноутбуку. Я ещё постоял в дверях, потом пошёл на кухню. Сын давно вернулся к ролику, а я продолжал мысленно с ним разговаривать. Меня задело это «теперь знаешь»: я уже помнил, на что следовало обращать внимание в звуке, хотя десять минут назад прекрасно обходился без этого знания.

Наушники не стали хуже за те дни, что Макс смотрел обзоры. Но теперь, надевая их, он мог слышать не только музыку. Где-то рядом с ней появилось представление о том, какой она бывает в другой модели. Я не знал, насколько ощутима эта разница. Сам уже хотел проверить.

⁂

В понедельник утром я положил телефон экраном вниз и решил не смотреть на него, пока не закончу письмо. Требовалось всего минут десять: уточнить условия, приложить файл и отправить. За стеклянной перегородкой разговаривали, где-то работал принтер. Обычный рабочий шум, который перестаёшь слышать через несколько минут.

Телефон завибрировал почти сразу. На твёрдом столе звук получился громким, сухим. Я продолжал печатать. Через минуту он повторился, потом прозвучал короткий сигнал, и я обнаружил, что уже третий раз читаю написанное

предложение, никак не добираясь до его смысла.

Аппарат лежал неподвижно. Я видел в чёрной поверхности корпуса отражение потолочной лампы и пытался угадать, кто написал. По работе могли уточнять сроки. Лена могла что-то спросить. В родительском чате иногда появлялось важное, хотя обычно его приходилось извлекать из долгого обсуждения чужой невнимательности.

Я дописал абзац, чувствуя, что заключаю с собой мелкую и довольно унизительную сделку, и перевернул телефон. Магазин одежды сообщал о распродаже. В рабочем чате кто-то поставил реакцию на сообщение. Приложение доставки предлагало скидку на завтрак, который я уже съел дома.

Через минуту я не мог вспомнить, что именно обещал магазин, зато снова потерял место в письме.

— Ты чего? — спросил Игорь.

— Ничего.

Он посмотрел на телефон, потом на меня.

— С телефоном поссорился?

— Проверяю одну вещь.

— Какую?

— Сколько раз он меня отвлечёт.

Игорь усмехнулся.

— У тебя точно кризис.

— Возможно.

— Не переживай. У меня вчера колено заболело. Так что я тоже официально старый.

Он вернулся к монитору. Я перечитал письмо с начала и нашёл пропущенное слово. В эту минуту телефон завибрировал снова.

На этот раз я не стал его переворачивать, но успокоения это не принесло. Новое сообщение оставалось где-то рядом, непрочитанным, и часть меня продолжала ждать, когда я наконец узнаю, что там. Так бывает после стука в дверь: даже если решил не открывать, ещё некоторое время прислушиваешься к площадке.

⁂

Через несколько дней Игорь приехал на новой машине. Он ещё в лифте встретил нас с таким видом, что можно было не спрашивать, как прошёл вечер. Ключ лежал у него на раскрытой ладони; Игорь прятал его в карман, доставал снова и, кажется, сам не замечал этих движений.

Разумеется, мы пошли смотреть. Даже я, хотя заранее приготовил несколько замечаний, которые должны были показать, что на меня всё это не действует.

Внедорожник стоял у края парковки. В чёрных боках отражались окна нашего здания, а на капоте лежало низкое утреннее небо. Вокруг были обычные машины с пылью на стёклах, забытыми парковочными талонами и следами вчерашней дороги. Рядом с ними новая машина выглядела так, словно ещё не успела принять на себя ничего из жизни владельца.

— Ну? — спросил Игорь.

— Поздравляю.

— Садись.

— Я на работу пришёл.

— Пять минут.

Сергей уже устроился сзади и проверял, сколько места остаётся перед коленями. Ольга фотографировала салон, выбирая ракурс так, чтобы на снимок не попадал её собственный телефон в отражении. Все были заняты машиной, и Игорь наблюдал за нами с открытым удовольствием. Мне стало неловко за приготовленные шутки.

Я сел за руль и потянул дверь на себя. Она закрылась с негромким тяжёлым стуком, и голоса снаружи сразу стали глуше. Игорь наклонился к открытому окну. Я провёл ладонью по рулю, попробовал устроиться удобнее, но двигаться почти не пришлось: сиденье хорошо поддерживало спину, локоть сам лёг на подлокотник. Пахло новой кожей и чем-то ещё, сухим, едва уловимым, чему я не нашёл названия.

— Тихо, да?

Я кивнул. Признавать это почему-то не хотелось, словно вместе с похвалой машине я должен был взять обратно все свои утренние насмешки.

— А музыка? Сейчас.

Игорь потянулся к экрану, и салон заполнила негромкая инструментальная композиция. Звук не шёл из определённой точки: он как будто уже находился здесь, а мы только перестали его заглушать.

— Хорошо, — сказал я.

— Вот!

Он выпрямился, довольный коротким ответом. Я остался сидеть, положив руки на руль. Машина была чужой, но положение тела уже стало привычным, и мне легко представилось, как утром я выхожу к ней из нашего подъезда. На сиденье рядом лежит моя сумка. Лена замечает, что салон красивый, Макс первым делом лезет в настройки, Соня просит включить подсветку. Кто-нибудь на парковке спрашивает: «Поменял?» — и я отвечаю с той небрежностью, которую сейчас так старательно изображал Игорь.

В этих коротких мысленных сценах было мало дороги. Гораздо отчётливее я видел себя: как открываю дверь, как сажусь, как меня замечают. Тот же человек, только чуть увереннее в праве занимать своё место.

Впрочем, дело ведь не только в этом. В такой тишине и далеко ехать легче. Детям сзади просторнее. Свою машину ещё можно выгодно продать, пока не пришлось серьёзно вкладываться в ремонт. Я уже прикидывал разницу в цене и возможный платёж, когда Игорь постучал пальцем по краю двери.

— Андрей?

Я поднял голову.

— Что?

— Я говорю, прокатишься?

— Потом.

Выбираться из удобного сиденья было неожиданно неохота. На улице оказался резкий воздух, запах прогретого двигателя соседней машины и несколько голосов, которым теперь словно не хватало расстояния друг до друга.

— Всё равно купишь, — сказал Игорь мне вслед.

— Почему?

— Лицо видел своё?

— Какое лицо?

— Как у меня две недели назад.

Сергей рассмеялся. Я тоже, но уже без готовой ответной шутки.

В офисе, прежде чем открыть почту, я достал блокнот и написал: «Иногда хочется не вещь. Хочется себя рядом с ней». Фраза выглядела так, будто я заранее приготовил её для читателя. Я зачеркнул и начал заново: «Машина Игоря. Почему захотел?» Ниже: «Представил себя в ней».

Некоторое время я смотрел на эти слова, вспоминая парковку. Потом дописал: «Про удобство для детей подумал потом».

Именно порядок меня и беспокоил. Об удобстве я не выдумывал: оно было настоящим. Но сначала я уже успел захотеть машину, и только следом всё так хорошо объяснилось.

⁂

Через пару дней Сергей пришёл в новых часах. Сначала я заметил не сами часы, а то, как он положил руку на стол. Манжета чуть отступила, открыв браслет, и Сергей оставил

запястье в этом положении, хотя чашку держал другой рукой. Может быть, мне только показалось; последнее время я слишком охотно приписывал значение движениям, на которые прежде не обратил бы внимания.

— Новые? — спросил Игорь.

Сергей посмотрел на собственную руку с лёгким удивлением.

— Эти? Да.

— Дай посмотреть.

Он расстегнул браслет и передал часы. Тяжесть ощущалась сразу, раньше, чем успеваешь разглядеть циферблат. Металл был прохладным, тёмная поверхность под стеклом меняла оттенок при наклоне. Я перевернул корпус: через прозрачную крышку двигались крошечные детали. Было что-то приятное в том, что внутри дорогой вещи можно увидеть работу.

— Сколько?

Сергей назвал цену. Я невольно перехватил часы двумя пальцами покрепче.

— За часы?

— Вот сейчас было обидно.

— Нет, правда. Они время лучше показывают?

— Телефон показывает лучше.

Он протянул руку, и я вернул покупку с осторожностью, которой минуту назад не было.

— Тогда я окончательно не понимаю.

— Я тоже раньше не понимал.

— А теперь?

Сергей застегнул браслет, немного повернул его на запястье.

— Теперь нравятся.

— Жена что сказала? — спросил Игорь.

— Цену не знает.

— Правильный подход.

Мы засмеялись. Сергей поправил манжету, но часы остались видны. Я поймал себя на том, что продолжаю смотреть: теперь хотелось различить в них то, за что платят столько денег. У циферблата оказался глубокий цвет, у меток — точные края. Всё это я мог заметить и раньше. Почему-то понадобилось узнать цену.

— Их вообще кто-нибудь узнаёт?

Сергей улыбнулся.

— Те, кому надо, узнают.

Он сказал это спокойно и уже потянулся за чашкой. Объяснение его устраивало. Я же представил, как в незнакомой компании чей-то взгляд задержится на его руке и как они поймут друг о друге что-то, о чём не придётся говорить. Мне не был знаком этот разговор, но я вдруг различил, что он возможен.

Телефон лежал у Сергея рядом с локтем. Чтобы посмотреть время перед совещанием, он нажал на его боковую кнопку. Игорь поднялся первым, Сергей пошёл за ним, а

я остался на секунду у стола, испытывая странное удовольствие от замеченной мелочи. Потом стало неловко и за это удовольствие.

⁂

Вечером Соня попросила подвезти её на тренировку. Она устроилась сзади, поставила сумку у ног и долго искала что-то в телефоне. Я видел в зеркале склонённую голову и выбившуюся прядь, которая падала ей на щёку всякий раз, когда машина тормозила.

На светофоре рядом остановился старый, но ухоженный автомобиль. Через боковое стекло был виден мужчина за рулём; он поправлял воротник, глядя в зеркало. Я подумал об этом ровно настолько, насколько думают о соседних водителях, и уже перевёл взгляд на сигнал, когда Соня спросила:

— Пап, а зачем ты нашу машину купил?

— В смысле?

— Ну зачем такую?

— Какую такую?

— Дорогую.

Я посмотрел на неё в зеркало. Телефон она опустила на колени.

— Откуда ты знаешь, сколько она стоит?

— Макс говорил.

— Максу больше делать нечего?

— Он с друзьями машины смотрит.

— Понятно.

Загорелся зелёный. Я тронулся, рассчитывая, что разговор закончится вместе с остановкой, но Соня выждала, пока я перестроюсь, и спросила снова:

— Ну так зачем?

— Удобная. Большая. Безопасная.

Ответ прозвучал ровно и убедительно. Мне даже не пришлось ничего вспоминать.

— А старая была небезопасная?

— Почему допрос?

— Ты нас сам всё время спрашиваешь.

Я встретился с ней взглядом в зеркале и засмеялся.

— Хорошо. Продолжай.

— Старая сломалась?

— Нет.

— А почему поменял?

Я открыл рот, но готового ответа на этот раз не оказалось.

— Ей уже несколько лет было.

— Сколько?

— Четыре, кажется.

— Это много?

В её возрасте четыре года были огромным промежутком. За такое время успеваешь перестать быть маленькой, научиться читать, пойти в школу. Машина за те же четыре года просто ездила, и с ней по большей части ничего не происходило.

— Не особо.

— Тогда зачем?

Я вспомнил старый салон. Потёртое место на руле, держатель для телефона, который никак не хотел стоять ровно. Вспомнил и то, что эти мелочи долго меня совершенно не беспокоили. Потом знакомый купил новую машину другой марки. Мы куда-то ехали вместе; я устроился рядом, отметил тишину, удобное сиденье, большой экран. В тот день я, кажется, ещё ничего не собирался менять.

Через пару недель начал читать обзоры. Через месяц уже знал несколько недостатков своей машины, которых прежде не замечал. Я находил их утром, когда садился за руль, и вечером, когда возвращался домой. Всё подтверждалось: шум действительно был, экран действительно устарел. Через полгода машину продал.

— Понравилась другая, — сказал я.

Соня кивнула с таким удовлетворением, словно мы наконец добрались до простого объяснения после моих ненужных обходов.

— Ну вот.

— Что «ну вот»?

— А мне кроссовки.

Я рассмеялся.

— Ты всё это время к этому вела?

— Нет.

Она посмотрела в окно и добавила после короткой паузы:

— Но вообще да.

— Очень тонко.

— Спасибо.

У спортзала Соня вытащила сумку, едва не зацепив ремнём дверную ручку. Захлопнула дверь, сделала шаг и вернулась.

— Пап.

— Что?

— Ты подумай про кроссовки.

— Иди уже.

Она улыбнулась и побежала к входу. Я дождался, пока за ней закроется стеклянная дверь, затем достал из сумки блокнот. Писать на руле было неудобно, и строка поползла вверх: «Старая машина была хорошей, пока я не увидел лучше».

Мне вспомнилось лицо Макса, когда я спросил, работают ли его наушники. Сын тогда сразу отвёл глаза — я решил, что ему нечего ответить. Теперь, сидя в машине, которую купил при вполне исправной прежней, я уже не был так уверен, что правильно его понял.

⁂

В тот вечер блокнот наконец начал заполняться. Я не собирался вести дневник: знал, чем обычно заканчиваются такие намерения. Первые три дня пишешь подробно, на четвёртый забываешь, через месяц находишь и чувствуешь себя виноватым перед собственным аккуратным почерком. Здесь записи получались короткими, неровными; иногда я возвращался к одной через несколько страниц, иногда оставлял во-

прос без ответа.

Я выписал вещи, которых хотел в разное время, и попробовал вспомнить, что было до этого. Не когда выбирал модель или искал цену, а ещё раньше, когда выбирать пока не собирался.

Новый телефон появился после презентации. До неё старый меня устраивал. Я хорошо помнил, как в день показа сравнивал экраны на фотографиях, хотя оба изображения смотрел на том самом телефоне, который вдруг стал недостаточно хорош.

Спортивные часы — после разговоров с коллегой. Несколько дней он рассказывал про сон, пульс и восстановление. До этого я прекрасно обходился без численного выражения собственного стресса, потом заинтересовался, насколько правильно отдыхаю.

Дом за городом пришёл вместе с зимой, в которую я смотрел канал человека, строившего дом. В его видео свет падал через большие окна на деревянный стол, за стеклом лежал снег, а работа продвигалась от выпуска к выпуску. Прежде загородная жизнь представлялась мне главным образом этим самым снегом, который надо убирать, и необходимостью постоянно что-нибудь чинить. Постепенно я стал представлять другое: как сижу у окна, пока снаружи тихо.

Япония появилась после серии роликов. Тут я помнил даже первый: узкая улица вечером, свет из маленьких заведений, человек ставит перед камерой чашку. До этих видео я

не собирался туда всерьёз. Теперь мог долго обсуждать, в какое время лучше поехать.

С кофемашиной пришлось повозиться. Я помнил, как выбирал её, уже уверенный, что она мне нужна, а раньше почему-то ничего не вспоминалось. Отложил ручку и посмотрел на неё через кухню. На металлическом поддоне высохло несколько капель, рядом стояла чашка, которую я забыл убрать. Кажется, началось всё-таки с рекламы. Потом попался обзор, затем другой. Я узнал, что турка, которой пользовался лет десять, не позволяет как следует «раскрыть зерно». До этого зерно раскрывалось в достаточной степени, чтобы я каждое утро пил кофе с удовольствием.

Я улыбнулся, но вычёркивать покупку из числа удачных не собирался. Кофемашина делала хороший кофе. Новая машина была тише прежней, часы измеряли пульс, а поездка в Японию вполне могла оказаться прекрасной. Если всё объяснялось одной моей глупостью, было бы даже проще. Но польза вещей оставалась на месте вместе с вопросом, который я никак не мог сформулировать точнее.

Я стал замечать похожую последовательность. Сначала что-то попадалось на глаза, потом возникало любопытство. Я искал ещё, сравнивал, узнавал подробности. И чем больше узнавал о новой вещи, тем внимательнее осматривал старую. Ещё вчера телефон работал отлично, а сегодня я уже проверял, хватает ли яркости на солнце. Наша квартира оставалась просторной, но теперь я знал, куда можно было бы поставить

стол в ста двадцати семи метрах.

Я записал цепочку и соединил слова стрелками:

увидел → заинтересовался → начал искать → сравнил → заметил недостатки старого → захотел.

На бумаге всё выстроилось без задержек и противоречий. Я провёл взглядом от первого слова к последнему и почувствовал удовлетворение, которое тут же насторожило. Уж слишком легко беспорядочные записи превратились в инструкцию. В жизни оставались пропуски, путаница, вещи, которые я увидел и забыл, покупки, о которых ни разу не пожалел.

Я закрыл блокнот, пока не начал исправлять воспоминания ради красивой схемы.

⁂

Самым смешным оказался Макс. Недели через две я застал его на диване с игрой и спросил про наушники. Он сидел боком, поджав одну ногу; рядом Лена читала, придерживая пальцем страницу. По её неподвижному лицу было видно, что звук игры давно перестал для неё существовать.

— С какими? — спросил Макс.

— Которые были вопросом жизни и смерти.

Он на секунду оторвался от экрана.

— А. Эти. Пока не буду.

— Почему?

— Да что-то передумал.

Я поставил чашку на столик и сел на свободный край ди-

вана. Такое равнодушие не соответствовало усилиям, которые мы оба потратили на предыдущие разговоры.

— Подожди. Как передумал?

— Обыкновенно.

— Ты десять обзоров посмотрел.

— Ну посмотрел.

— У тебя старые были ужасные.

— Не ужасные.

— Ты почти это говорил.

Макс повернулся ко мне, и на его лице появилось выражение искреннего недоумения.

— Пап, ты сейчас расстроился, что я не прошу купить мне дорогие наушники?

Я засмеялся.

— Немного.

— Странный ты.

— А почему передумал?

— Не знаю. Просто уже не хочется.

Он снова занялся игрой. Я собирался спросить ещё что-то, но не успел.

— Там телефон новый скоро выходит, — добавил он.

Лена медленно подняла глаза от книги. Мы посмотрели друг на друга, и я увидел, как у неё дрогнули уголки губ.

— Даже не начинай.

— Я молчу.

— У тебя лицо говорит.

— Что опять? — спросил Макс.

— Ничего.

— Вот поэтому я и закрываю дверь.

Он вышел из игры и поднялся с дивана. Я проводил его взглядом, сдержав вопрос, который уже собирался задать. В коридоре скрипнула половица, затем прикрылась дверь.

— Ты скоро детям невроз заработаешь своим наблюдением, — сказала Лена.

— Я вообще ничего не сказал.

— Это ещё хуже.

Она засмеялась и устроилась удобнее. Я сел на освободившееся место, ещё тёплое после Макса.

— Тебе не кажется странным? Он две недели назад жить без них не мог.

— Мог.

— Хорошо. Очень хотел.

— Хотел.

— А теперь просто не хочет.

Лена заложила страницу пальцем и посмотрела на меня поверх книги.

— Андрей, люди иногда передумывают.

— Я знаю.

— Такое случается даже без участия тайных сил.

— Я не говорю про тайные силы.

— Пока.

Я улыбнулся, и она вернулась к чтению. Некоторое время

я сидел рядом. Мне хотелось ещё раз спросить Макса, но ответ был уже дан: не хочется. Он не отказывался ради нас, не копил молча деньги, не переживал поражение. Место, которое занимали наушники, освободилось без того, чтобы вещь появилась у него в руках.

Я вспомнил, как уверенно он объяснял мне необходимость покупки. Тогда он не притворялся. И сейчас тоже. Примирить эти два обстоятельства оказалось труднее, чем возразить ему по поводу цены.

⁂

Примерно тогда же я начал замечать ещё одну вещь. Чем больше мы зарабатывали, тем меньше ощущалось, что денег стало больше. Когда-то прибавка была событием: мы с Леной садились вечером и обсуждали, что теперь сможем себе позволить. Я помнил даже, как произносил новую сумму, стараясь не выдать собственного удовольствия. Через полгода она уже не требовала обсуждения. Приходила на счёт, распределялась, исчезала среди обычных расходов.

Нельзя было сказать, что мы становились расточительными. У каждой траты имелось нормальное объяснение. Детям нужны занятия. Машину надо обслуживать. Если редко выбираешься вдвоём, хочется пойти в хороший ресторан. В отпуске лучше доплатить за удобный перелёт, чем начать отдых с бессонной ночи. По отдельности всё выглядело разумно, и я легко защищал бы каждое решение. Только в конце месяца возможность больше не думать о деньгах почему-то

оставалась впереди.

Однажды после работы мы с Игорем ехали в лифте. Он смотрел на цифры над дверью и перебирал в кармане ключ от новой машины. В зеркале напротив отражались мы оба: расстёгнутые воротники, сумки на плечах, обычные усталые лица людей, чей рабочий день закончился не совсем тогда, когда они выключили компьютеры.

— Если в этом году нормально премию поднимут, можно будет вообще не напрягаться, — сказал он.

— Сколько тебе надо, чтобы не напрягаться?

Игорь назвал сумму не сразу. Я видел, как он что-то прикидывает, будто ответ действительно можно было вычислить с достаточной точностью.

— Пять лет назад ты получал вдвое меньше, — сказал я.

— Поэтому и напрягался.

— А если будешь получать эту?

— Тогда будет нормально.

— А через два года?

Лифт остановился. Игорь придержал открывшуюся дверь плечом и посмотрел на меня.

— Андрей, ты опять?

— Всё, молчу.

Он пошёл к выходу, а я чуть задержался у турникета, перекладывая пропуск. Вопрос был задан Игорю, но теперь перед глазами стояла моя собственная зарплата десятилетней давности. Если бы тогда мне показали сегодняшний доход,

я решил бы, что буду чувствовать себя богатым человеком. Наверное, даже рассердился бы, услышав, что этого окажется недостаточно для полного спокойствия.

У машины я некоторое время искал ключи, которые держал в руке. Богатым я себя не чувствовал. Бедным тоже. Жил нормально, и это слово снова позволяло не уточнять, что именно имеется в виду.

Я сел за руль. Сиденье было удобным, в салоне тепло, телефон подключился сам. Всего этого когда-то хотелось отдельно, с подробностями и ожиданием. Теперь я заметил бы каждую вещь, если бы она перестала работать. Пока работала, замечать было особенно нечего.

⁂

Очередное совещание у Виктора Павловича началось с хороших новостей. Квартал закрыли лучше ожидаемого. На экране стояли зелёные цифры, начальник не торопился переключать слайд, и в переговорной было непривычно свободно: люди откинулись на спинки стульев, кто-то позволил себе проверить телефон, не пряча его под столом.

— Хорошо отработали, — сказал Виктор Павлович. — Реально хорошо. Всем спасибо.

Я почувствовал удовольствие. Оно было простым и вполне заслуженным: последние недели пришлось повозиться, несколько раз остаться после работы, объяснять одно и то же разным людям. Приятно было услышать, что всё это заметили. Игорь рядом со мной перестал крутить ручку и кивнул,

глядя на экран.

Виктор Павлович взял пульт.

— Теперь по следующему кварталу.

Появилась новая таблица. Я увидел знакомую цифру — плюс двенадцать процентов — и невольно улыбнулся. Начальник заметил движение раньше, чем я успел опустить голову.

— Андрей, что смешного?

— Ничего.

— Нет, говори.

Несколько человек повернулись ко мне. До этой минуты вопрос вполне помещался у меня в голове; под чужими взглядами он сразу показался неуместным.

— Да просто подумал… Мы этот квартал хорошо закрыли?

— Хорошо.

— Лучше плана?

— Да.

— А следующий всё равно плюс двенадцать?

У дальнего края стола тихо усмехнулись. Виктор Павлович тоже улыбнулся, но пульт положил перед собой.

— А ты хотел минус двенадцать?

— Нет.

— Тогда в чём вопрос?

Я посмотрел на открытую страницу блокнота. Между записанной датой и первым пунктом оставалось много чистого

места.

— Наверное, в том, где это заканчивается.

— Что именно?

— Рост.

В комнате стало тихо. По лицам было видно, что люди ждут продолжения: шутки или предложения, которое объяснит, зачем я остановил совещание. Игорь чуть наклонился к столу.

— Я предупреждал, у него период.

Все рассмеялись, и я вместе с ними, благодарный за возможность отступить. Но Виктор Павлович продолжил уже серьёзно:

— Андрей, бизнес либо развивается, либо начинает проигрывать. Стоять на месте в нашей сфере не получится.

— Я понимаю.

— Конкуренты растут. Издержки растут. Зарплаты растут. Рынок меняется. Если ты просто сохранишь текущий результат, фактически ты уже потерял.

Он говорил без нажима, терпеливо, как о вещи, которую мы оба знали. Я действительно мог бы произнести то же самое. Иногда и произносил — клиентам, коллегам, самому себе, когда брался за дополнительную работу.

Виктор хотел, чтобы компания оставалась устойчивой. Мы рассчитывали на премии. Клиенты просили сделать быстрее и дешевле, владельцы ждали прибыли. Я оглядел стол: никто не выглядел человеком, который намеренно

усложняет остальным жизнь. Ольга держала ручку над блокнотом, Сергей смотрел на план, Игорь уже проверял что-то в своей таблице. Вопрос, где можно остановиться, повис среди людей, у каждого из которых были вполне понятные причины двигаться дальше.

— Всё, — сказал я. — Вопрос снят.

— Нет уж, — улыбнулся Виктор Павлович. — Теперь мне интересно. Что ты предлагаешь? Закрыть план, всем раздать премию и сказать: ребята, нам достаточно?

— Звучит неплохо.

— Особенно владельцам понравится.

Снова засмеялись. Он взял пульт, перешёл к проектам, и я вернулся к записям. Сроки, ответственные, уточнения. Игорь показал мне цифру на своём экране; я наклонился, ответил, зачеркнул ошибку у себя. Работа быстро заняла всё оставшееся время.

Уже после совещания, складывая блокнот, я увидел на полях две фразы: «Когда становится достаточно?» и ниже — «Кто определяет это место?» Не помнил, в какую минуту их написал. Пока мы говорили о следующем квартале, я, видимо, ещё продолжал предыдущий разговор.

⁂

Вечером дома было тихо. Лена была у Сони, оттуда доносились их приглушённые голоса; Макс закрылся в своей комнате. Я прошёл на кухню, включил свет над столом и достал блокнот. Резинка уже не держала обложку как следует,

и, пока я носил его в сумке, между страницами застрял угол какого-то чека.

За последние недели набралось несколько исписанных листов. Квартира, машина, часы, телефон, дом, Япония, кофемашина. Отдельно — повышение и деньги. Записи были сделаны разными ручками; возле машины Игоря я нажимал так сильно, что буквы отпечатались на следующей странице.

Я перелистывал их и пробовал вспомнить не сами вещи, а ожидание. Чего я ждал, когда думал о покупке? В новой квартире было легче разложить по местам нашу жизнь: у меня появлялся рабочий стол, дети не спорили из-за ванной, Лена переставала сердиться на шкаф. С новой машиной дорога должна была стать приятнее. С должностью — спокойнее за деньги и увереннее среди коллег. В загородном доме я представлял тишину, в Японии — дни, о которых потом можно долго вспоминать.

Я не находил здесь обмана. Всё это могло случиться. Что-то уже случалось, причём ровно так, как хотелось. Только я почти никогда не представлял, что будет дальше, когда пройдёт первый месяц, потом второй и я начну пользоваться новой вещью, не замечая её каждый раз.

Самый дорогой телефон, который я купил лет десять назад, когда-то казался невероятным. Я помнил, как снимал плёнку с экрана, но не мог вспомнить модель. Машину, которую в первые недели фотографировал на парковке, давно продал. В квартире, куда мы входили осторожно, словно ещё

не получили полного права здесь жить, теперь валялись вещи, требующие уборки.

Я взял ручку и начал новую цепочку: «хочу → получаю → радуюсь → привыкаю…» Последняя стрелка осталась без продолжения.

Что-то в этой записи было слишком лёгким. Я посмотрел на неё и вспомнил Лену в день переезда. Она стояла у окна в пустой комнате; на полу лежал свёрнутый удлинитель, где-то за дверью грузчики разбирались с коробками. Лена ничего не говорила, только смотрела наружу. Когда я подошёл, она взяла меня за руку. Если бы тогда кто-нибудь объяснил, что скоро мы привыкнем и перестанем радоваться, он, возможно, оказался бы прав. Но ничего существенного об этой минуте он бы не понял.

Я зачеркнул цепочку. Не хотелось, чтобы из нескольких наблюдений получалось объяснение, после которого всё хорошее в собственной жизни выглядело ошибкой.

Можно было привыкнуть к квартире и всё равно любить её. Можно было перестать замечать удобство и продолжать им пользоваться. Меня беспокоило другое: как легко к привычному присоединялось недовольство. Ещё ничего не сломалось, никому не стало хуже, а я уже искал, чего именно нам недостаёт.

Я посмотрел на светлую столешницу, на холодильник, на чашки у кофемашины. Вспомнить себя до этих вещей оказалось труднее, чем вспомнить покупку. Будто прежний я дав-

но согласился со всеми моими решениями и перестал возражать. Но ведь он жил, строил планы, считал свой быт вполне приемлемым. Он ещё не знал о части неудобств, которые мне позже предстояло исправить.

В коридоре послышались шаги. Лена вошла на кухню, придерживая волосы на затылке; увидела блокнот и остановилась у холодильника.

— Ты опять пишешь?

— Немного.

— Что на этот раз исследуем?

— Себя.

— Соболезную.

Я засмеялся. Она достала воду, налила в стакан и села напротив. От стола к ней падал свет, а остальная кухня оставалась в полумраке. Лена казалась уставшей, но уходить не спешила.

— Серьёзно, что пишешь?

Я повернул блокнот. Она наклонилась, прочитала несколько строк, перевернула страницу. Мне захотелось сразу объяснить, что это только заметки и что некоторые фразы вырваны из контекста. Я удержался: никакого другого контекста, кроме прожитых нами дней, не было.

— «Когда становится достаточно?» — прочитала Лена. — Очень оптимистично.

— Не нравится?

— Нет, почему. Просто пытаюсь представить человека,

который в два часа ночи открывает блокнот и пишет: «Мне достаточно».

— Сейчас одиннадцать.

— Я про перспективу.

Она отпила воды и вернулась к записям.

— Япония?

— Хотел поехать.

— Ты и сейчас хочешь.

Я представил улицу из видео, мокрые камни у входа, свет под навесом. Желание никуда не исчезло оттого, что я вспомнил, откуда оно взялось.

— Да.

— Тогда в чём проблема?

— Проблемы нет.

— Андрей, у тебя в последнее время всё без проблемы, но с расследованием.

Она закрыла блокнот, оставив палец между страницами.

— Может, ты слишком много думаешь о том, почему тебе что-то нравится?

— А если это не мне нравится?

— А кому?

— Вот.

Лена посмотрела на меня. Я знал, что сейчас она не позволит мне спрятаться за многозначительной паузой.

— Нет. Не «вот». Нормально скажи.

— Не знаю пока, — признался я.

Она убрала руку с блокнота. Некоторое время мы молчали, и я слышал, как в соседней комнате Макс передвинул стул. Лена смотрела на воду в стакане, поворачивая его за край.

— Я, например, хочу квартиру побольше.

— Я знаю.

— Возможно, потому что насмотрелась картинок.

— Возможно.

— Возможно, потому что мне действительно хочется больше места.

— Тоже возможно.

— Возможно, потому что у Оксаны кухня больше нашей и меня это иногда бесит.

Я поднял глаза. Она улыбнулась, заметив моё удивление.

— Что? Я живой человек.

В её голосе не было ни оправдания, ни вызова. Это прозвучало буднично, и оттого я почувствовал себя неловко: словно весь вечер искал сложное признание, а она спокойно произнесла то, что и так знала о себе.

— Продолжай.

— Не буду.

— Почему?

— Потому что через минуту ты всё запишешь.

Она поставила стакан в раковину и провела ладонью по столу, смахнув несколько крошек. У двери обернулась:

— И вообще, если я чего-то хочу из зависти, это всё ещё

я хочу.

Я остался сидеть. Блокнот лежал закрытым, ручка откатилась к краю стола. Следовало бы записать её слова, но после замечания Лены это показалось почти неприличным.

Мне было удобно искать начало желания где-то снаружи: в чужой машине, на экране, в разговоре. Когда находил, появлялось ощущение, что я что-то объяснил. Но Лена не спорила с этим началом. Она допускала, что насмотрелась фотографий, сравнила нашу кухню с чужой, позавидовала, — и всё равно говорила о собственном желании.

Я вспомнил, как сидел в машине Игоря. Он не вкладывал в меня удовольствие от руля, тишины и удобного сиденья. Я чувствовал его сам. И тот человек, которого представлял у нашего подъезда с новым ключом в руке, тоже был мной, пусть несколько приукрашенным.

Где именно следовало отделить чужое от своего? В тот момент, когда я увидел вещь? Когда заинтересовался? Когда начал объяснять, зачем она нужна? Я снова открыл блокнот, но ничего не написал. Не хотелось заменять вопрос ответом только потому, что с ответом удобнее ложиться спать.

⁂

Перед сном я прошёл мимо комнаты Макса. Дверь была приоткрыта. Он сидел за столом в тех самых старых наушниках; от экрана по стене шёл слабый переменчивый свет. Я остановился, и он почти сразу заметил меня, хотя звука шагов, наверное, не слышал.

— Что?

— Ничего.

Он сдвинул один наушник.

— Пап.

— Да?

— Ты опять смотришь так, будто сейчас что-то спросишь.

— Не буду.

— Спасибо.

Я уже пошёл дальше, когда он окликнул меня:

— Пап. Телефон реально классный будет.

В полумраке он улыбался, и я не понял, серьёзно он говорит или нарочно оставляет мне последнее слово, от которого придётся отказаться.

— Спокойной ночи, Макс.

— Спокойной.

Лена уже спала. Я осторожно лёг рядом, стараясь не сдвинуть одеяло с её плеча. Она чуть пошевелилась, не просыпаясь, и снова затихла. На тумбочке светились цифры электронных часов. Через открытую дверь доносилось тиканье настенных, из коридора; днём оно терялось среди голосов и шагов, а теперь между ударами можно было услышать дыхание Лены.

За последние недели почти ничего в моей жизни не изменилось. Завтра предстояло ехать на работу, отвечать на письма, думать о деньгах. Я по-прежнему хотел поехать в Японию. Мне понравилась машина Игоря, и квартиру на план-

шете я рассматривал внимательнее, чем собирался признать. Всё это оставалось со мной, сколько бы вопросов я ни записал.

Раньше слова «я хочу» обычно завершали объяснение. Теперь иногда после них я задерживался, словно забыл сказать что-то ещё. В этой задержке пока не было ни решения, ни обещания поступить иначе. Только возможность прислушаться.

Из коридора донёсся следующий удар часов. Я лежал с открытыми глазами, глядя на светлый край двери, и пытался понять, чего хочу сейчас. Ответ был совсем простым: чтобы Лена не проснулась, чтобы завтра удалось закончить работу пораньше, чтобы можно было хотя бы ненадолго оставить все эти вопросы.

Тонкая линия, которую я однажды заметил на стекле, уже не мешала смотреть. Но забыть, что она есть, тоже не получалось.

Тик.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕШЕНИЕ

Несколько дней я не открывал блокнот. Он лежал в сумке между ноутбуком и папкой с документами, и иногда, доставая зарядку, я задевал его обложку. Тогда вспоминалась какая-нибудь запись, обычно самая неудобная, и я перекладывал блокнот поглубже, словно этим можно было отложить и сам вопрос.

Мне хотелось немного пожить как раньше. Утром выпить кофе, доехать до работы, поспорить с Игорем о чём-нибудь неважном. Вечером послушать Лену, посмотреть фильм и хотя бы один раз досмотреть его, не обнаруживая посреди чужого сюжета очередного повода разобраться в себе. Ничего особенного в этом желании не было. Именно это и привлекало.

Оказалось, наблюдение тоже утомляет. Раньше можно было просто захотеть новую вещь. Теперь вслед за желанием появлялся я с блокнотом и начинал выяснять, откуда оно взялось, кого знает и почему решило поселиться именно здесь. В какой-то момент хотелось сказать себе: оставь человека в покое. Причём человеком в этом случае был я сам.

Но одна мысль всё-таки помогала. Я возвращался к ней, когда мои вопросы начинали казаться слишком назойливы-

ми.

Пусть желания возникают под чужим влиянием. Реклама знает своё дело, машина Игоря мне понравилась, фотографии квартиры трудно развидеть. Я никогда и не считал, что живу отдельно от всего остального мира. Однако между желанием и поступком оставалось решение. Можно захотеть и не купить. Выслушать, согласиться с доводами и всё-таки сказать нет. Последнее движение, после которого что-то действительно происходило, совершал я.

Мне нравилось представлять это в виде крепости. За стенами мог шуметь рынок, люди могли предлагать свои товары и обещать, что с ними жизнь станет лучше. Ворота всё равно открывались изнутри. Пока руку на засов клал я, происходящее снаружи требовало лишь некоторой внимательности.

С этой мыслью было легче. Она позволяла положить телефон рядом и спокойно продолжить ужин, не выясняя происхождение каждого собственного движения. На какое-то время мне даже показалось, что я нашёл разумный предел своим расспросам.

⁂

В субботу вечером я несколько раз подходил к холодильнику. В первый раз посмотрел, что там есть. Во второй — не появилось ли чего-нибудь другого. В третий задержался перед открытой дверцей достаточно долго, чтобы холодильник начал возражать.

— Закрой его, — сказала Лена из комнаты. — Он тебе

ничего нового не предложит.

На полке стояла кастрюля, рядом лежал завёрнутый в бумагу сыр. Всё съедобное, знакомое. Я подвинул банку, заглянул за неё и почувствовал себя человеком, который ищет в чужом кармане то, чего сам туда не клал.

— Может, закажем? — предложила Лена.

— Что?

— Еду, Андрей. Если бы я хотела новый холодильник, я бы начала издалека.

Она сидела на диване. Соня устроилась рядом, положив голову ей на ноги, и показывала какой-то ролик. Из комнаты Макса доносились короткие команды людям, которые, судя по интонации, всё время делали что-то неправильно.

Я закрыл холодильник и взял телефон.

— Чего хочется?

— Посмотри что-нибудь.

Это была знакомая семейная процедура: один человек получал право выбора, а остальные сохраняли право отклонить результат. Я сел на край дивана и открыл приложение.

Вверху стояло: «Для вас». Под надписью лежали хинкали. Белое тесто, чёрный перец, немного зелени на тёмной посуде. Я задержался на фотографии. Почти сразу представил, как беру горячий хинкали за складчатый хвостик, осторожно надкусываю сбоку, чтобы не пролить бульон.

— Может, грузинское?

— Давай, — ответила Лена.

Соня подняла голову.

— Хинкали?

— Они.

— Мне четыре.

— Ты в прошлый раз два съела.

— Я тогда была меньше.

— Это было месяц назад.

— Пап, заказывай.

Я крикнул Максу. Он переспросил, потом согласился, даже не выйдя из комнаты. Всё решилось меньше чем за минуту. Никто не спорил, не просил посмотреть ещё пять ресторанов. Я испытал небольшое удовлетворение человека, который удачно распорядился предоставленной ему властью.

Первыми в меню шли «Популярное» и «Чаще выбирают». Я добавил хинкали, хачапури, салат. До бесплатной доставки не хватало четырёхсот тридцати рублей. Сама доставка стоила двести девяносто. Десерт — пятьсот двадцать. Некоторое время я смотрел на эти числа, потом положил в корзину десерт. Жалко было платить просто за то, что нам привезут еду.

— Заказал? — спросила Лена.

— Да.

Я убрал телефон, но через несколько секунд снова взял его. На экране двигалась полоска подтверждения заказа.

— Лен, а мы вообще хотели грузинское?

Она посмотрела на меня.

— Уже передумал?

— Нет. Я спрашиваю, до того как заказали.

— Ты предложил, мы согласились.

— А до того, как я предложил?

— До того ты стоял у холодильника.

Соня засмеялась. Я тоже улыбнулся, хотя спрашивал о другом.

— Просто не помню, чтобы мне хотелось хинкали.

— Андрей, ты ещё можешь отменить?

— Наверное.

— Тогда реши, пожалуйста, что ты хочешь: поужинать или выяснить, почему мы ужинаем.

Она сказала это без раздражения и снова повернулась к Соне. Я открыл карточку ресторана. Возле названия мелко стояло слово «Реклама». Раньше я либо не замечал его, либо замечал и забывал. Сейчас смотрел дольше, чем требовалось, чтобы прочитать.

За минуту до фотографии у меня не было никакого грузинского ужина. Была открытая дверца холодильника, скука перед знакомой едой и желание устроить вечер приятнее. Потом появилась картинка. Я представил вкус, произнёс фразу, семья согласилась. И теперь совершенно справедливым итогом были слова Лены: «Ты предложил».

Я действительно предложил. Моим голосом, с моей обычной интонацией — той, с которой предлагают что-нибудь необязательное, уже рассчитывая на согласие. Я попробовал

вспомнить момент, когда определился с выбором. Получалось только снова пройти от фотографии к собственным словам.

Через сорок минут приехал курьер. Мы освободили стол, Лена принесла тарелки, Макс наконец вышел из комнаты. Из открытых коробок поднялся пар. Соня сразу пересчитала свою порцию, потом осторожно дотронулась до теста и отдёрнула палец.

Хинкали оказались хорошими. Соня съела три с половиной, что позволило ей считать себя почти правой. Макс отложил телефон и некоторое время разговаривал с нами. Лена попробовала десерт и пододвинула тарелку ко мне.

— Вот это правильно взял.

Мне было приятно. Я отломил кусок, послушал, как дети спорят о чём-то школьном, и почувствовал, что вечер удался. Если бы еда оказалась невкусной, было бы легче: можно сердиться на рекламу, на приложение, на себя. Но я получил именно то, чего, как выяснилось, хотел.

Я посмотрел на пустеющие коробки. Хороший результат успокаивал сильнее любых доводов. Хотелось просто признать, что выбрал удачно, и перестать искать что-то до этого выбора.

⁂

В понедельник навигатор предложил два маршрута: пятьдесят одну минуту по синему и пятьдесят пять по серому. Палец уже коснулся экрана, когда я вспомнил субботний

ужин. Я убрал руку и посмотрел внимательнее.

Серый путь проходил вдоль парка. Я знал эту дорогу: меньше перестроений, длинный спокойный участок, за оградой деревья. В прохладные утра между ними иногда висел туман. Через него фонари и мокрые стволы выглядели так, будто находились чуть дальше, чем обычно.

Но синий маршрут был быстрее. Прежде этого хватало.

Я посмотрел на часы. До первой встречи оставался запас. Четыре минуты ничего не меняли, и всё же для серого пути пришлось искать отдельную причину. Синий можно было выбрать без объяснений.

Я нажал на серый.

Первые минуты мне нравилось, что я еду иначе. На знакомом повороте остался в своём ряду, свернул дальше, увидел улицу, по которой давно не ездил утром. Потом поток замедлился. Навигатор пересчитал время, и я почти сразу подумал: ну вот, тебе же показывали.

Четыре лишние минуты превратились в восемь. Я смотрел на задние огни машин и чувствовал досаду, словно проиграл спор, которого никто со мной не вёл. Телефон в держателе спокойно обновлял расчёт. Ему было всё равно, какой дорогой я поеду.

— Я не опаздываю, — сказал я вслух.

Пока, добавилось почти сразу.

Я усмехнулся и убавил музыку. Выбрал дорогу вдоль парка, а теперь почти не смотрел по сторонам: следил за мину-

тами и защищал собственное решение. Экономить время разумно, с этим я не спорил. Но сегодня у меня был запас. Почему же он не позволял спокойно проехать лишний участок?

Я вспомнил, как сам смеялся над человеком, который выбрал длинный путь. «А зачем ты туда попёрся?» — в моей интонации это звучало вполне естественно. Мне не требовалось приложение, чтобы короткая дорога казалась лучше. Возможно, оно просто предлагало то, с чем я заранее собирался согласиться.

Парк тянулся справа. Между деревьями действительно стоял туман, вдоль ограды шёл человек с собакой. Я увидел их, но через секунду снова посмотрел на время прибытия. Очень хотелось, чтобы выбранный маршрут всё-таки оказался удачным.

И только тогда заметил ещё одну неприятную вещь: другой дорогой я поехал именно потому, что навигатор предложил первую. Собирался проверить свою независимость, а всё утро продолжал мысленно спорить с рекомендацией на экране.

⁂

На работе выбирали проект, который должны были запустить первым. Виктор Павлович вывел таблицу на экран, и в переговорной стало чуть темнее. В проекте А было много зелёного, в проекте Б — несколько жёлтых ячеек и одна красная. Я ещё не прочитал названия строк, но уже почувствовал расположение к А.

— По срокам он спокойнее, — сказал Игорь. — И клиент знакомый.

Ольга кивнула:

— По деньгам тоже понятнее.

Сергей попросил вернуться к расчёту нагрузки. Виктор Павлович увеличил таблицу, и красная ячейка стала ещё заметнее. Я открыл материалы у себя, просмотрел первую страницу, вернулся к экрану.

— А кто оценки ставил?

— Аналитики.

— Почему здесь красный?

— Нет подтверждённого объёма.

— А зелёный у первого?

— История сотрудничества. Андрей, там в примечаниях всё расписано.

Примечания действительно были: аккуратные, деловые, с понятными основаниями. Я прочитал два, затем ещё раз посмотрел на обе колонки.

— Я не про ошибки. Просто у одного мы уверены в клиенте, а у другого можем больше заработать. Но уверенность уже зелёная, а возможность — красная.

Виктор Павлович повернулся к экрану.

— Красная не возможность. Красный риск.

— Понимаю.

— Тогда в чём вопрос?

Мне понадобилось несколько секунд. Пока я молчал, Сер-

гей положил ручку и посмотрел на меня. Я почувствовал, что задерживаю людей, которые пришли решать вполне определённую задачу.

— В том, что, пока я читаю, я уже знаю, к какому выводу мне проще прийти.

— Для этого таблицу и делают, — сказал Игорь. — Чтобы тебе было проще.

За столом тихо усмехнулись.

— Я понимаю, зачем делают таблицы.

— Тогда не обижай таблицу. Она старалась.

Я улыбнулся, и разговор пошёл дальше. Мы уточнили несколько цифр, обсудили сроки, выбрали А. Я тоже проголосовал за него. Основания были хорошими; если бы понадобилось, я мог подробно объяснить каждое.

Через час пришло письмо с утверждённым решением. Я снова открыл презентацию. На первом слайде под заголовком стояло: «Рекомендуемый сценарий — проект А». Я видел эту страницу в начале встречи. Значит, видел и надпись. Или хотя бы мог видеть.

Я попытался вспомнить своё первое отношение к проекту. Зелёный. Знакомый клиент. Меньше риска. Но что было раньше: я оценил данные и предпочёл А или почувствовал, что А предпочтительнее, а затем стал охотнее замечать подтверждения?

В памяти всё слилось. Я мог восстановить аргументы, назвать, кто и что сказал. Не мог только понять, в какой момент

начал искать доводы именно на этой стороне.

Я достал блокнот. Некоторое время держал ручку над страницей, затем написал: «Разум — судья или адвокат?»

Вопрос мне понравился, и это сразу немного насторожило. Адвокат тоже может говорить правду, приводить точные факты, быть умнее остальных. Просто сторону он защищает уже выбранную. Я посмотрел через перегородку на Игоря. Он работал, изредка шевеля губами, когда что-то считал.

— Слушай, ты сразу был за А?

— Да.

— До обсуждения?

— Я материалы вчера посмотрел.

— А если бы рекомендация стояла за Б?

Он поднял глаза.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас передумал?

— Нет.

— Тогда зачем?

Короткого ответа у меня не нашлось. Хотелось понять, мог ли я сначала получить ответ, а потом принять собственные доводы за путь, по которому к нему пришёл. Но, расспрашивая Игоря, я ведь уже ожидал определённого результата. Мне было бы приятно услышать подтверждение своей догадки.

Я закрыл блокнот и вернулся к работе.

⁂

Телевизор в спальне начал терять звук. Сначала это случа-

лось редко, потом всё чаще. Изображение продолжало жить своей жизнью: люди открывали рты, обижались, что-то доказывали, а мы сидели перед ними в тишине и нажимали кнопки.

— Выключи и включи, — сказала Лена.

— Уже.

— Из розетки?

— Лен, я не первый день знаком с электричеством.

— По твоему лицу кажется, что вы поссорились.

Я выбрался из-под одеяла, подошёл к телевизору и снова проверил провод. Когда звук появился, мы успели посмотреть ещё минут пять. Затем женщина на экране продолжила говорить беззвучно, а Лена молча повернулась ко мне.

Странно, но я почувствовал облегчение. Здесь всё было понятно: прибор неисправен. Мне понадобился работающий телевизор ещё до магазина, рекламы и чужих советов. Не надо было доказывать себе, что хочется обновления. Требовалось решить обычную задачу.

Я принёс ноутбук, сел за стол и записал в блокноте: «Потребность появилась до поиска». Подчеркнул, довольный найденным примером. Потом открыл магазин.

Моделей оказалось несколько сотен. Я выставил цену, диагональ, убрал то, что точно не подходило. Осталось двадцать три телевизора. С этим уже можно было разбираться.

По умолчанию стояло «Рекомендуемые». Я переключил на цену, и первый ряд сменился почти целиком. По рейтингу

наверх вышли другие модели, по популярности — ещё одни. Я возвращался к прежней сортировке, узнавал знакомые фотографии и ловил себя на том, что воспринимаю первые карточки серьёзнее остальных. До нижних добирался с ощущением, что главное уже посмотрел.

В отзывах один человек жаловался на засветку, другой — на пульт, третий писал, что за эти деньги всё прекрасно. Четвёртый уверял: после другой технологии смотреть на такой экран невозможно. Я увеличил приложенные фотографии. До этого вечера вполне обходился без слова «засветка». Теперь знал, где её искать, и заранее опасался разочарования.

В обзоре мужчина спокойно объяснил, какие параметры действительно важны. Я прослушал его минут двадцать и почувствовал, что начал понимать предмет. Открыл второй обзор. Другой мужчина, с такой же уверенностью, сообщил, что половина перечисленных достоинств ничего не значит при плохой обработке движения.

Я вернулся к характеристикам. В соседней вкладке сохранился первый телевизор, который меня почти устроил. Теперь в его описании не хватало сведений, и это выглядело подозрительно.

— Ну как? — спросила Лена, остановившись за плечом.

— Разбираюсь.

Она наклонилась к экрану.

— Ты же хотел такой же примерно.

— Я хочу нормальный.

— А тот был ненормальный?

— Пока работал — нормальный.

— Тогда ищи работающий.

Она улыбнулась и ушла в ванную. Я остался перед ноутбуком. Её предложение было разумным, но выполнить его уже не получалось. Час назад мне требовался телевизор со звуком. Теперь покупка модели с недостаточно хорошей обработкой движения казалась промахом, за который я потом сам себя упрекну.

Я хотел разобраться самостоятельно. Для этого понадобились люди, которые объяснят, в чём следует разбираться.

Можно было закрыть обзоры и поехать смотреть самому. Но я уже знал, что в магазине впечатление зависит от выбранного ролика и настроек. Опереться на опыт? За всю жизнь у меня было несколько телевизоров, и каждый я покупал на несколько лет. На репутацию марки? Я даже не помнил, когда начал считать одну надёжнее другой.

Я откинулся на спинку стула и потёр глаза. Потребность никуда не исчезла, но почти все способы оценить будущую покупку я получал по дороге. Оставалось выбрать, каким из них доверять.

В блокноте я написал крупно: «ВЫБОР НЕ РАВЕН РЕШЕНИЮ». Посмотрел и почувствовал недовольство: фраза звучала увереннее, чем я сам. Ниже приписал: «Что именно я выбираю сам, если сначала должен узнать у других, что считать хорошим?»

Это тоже было неточно. Узнать у других — не значит слепо согласиться. Я мог сравнивать, проверять, отвергать. Но одному объяснению верил потому, что оно звучало убедительно, другому — потому, что совпадало с опытом. Третье раздражало: человек слишком старался мне понравиться. Я разбирался в телевизорах уже второй час и постепенно всё меньше понимал, чем именно занят.

За стеной выключилась вода. Я перечитал свои записи, затем закрыл ноутбук. В спальне всё ещё светился экран; Лена вернулась, устроилась на кровати и позвала:

— Ты с телевизором что-нибудь делал?

— Нет.

— А звук появился.

Я несколько секунд смотрел на тёмную крышку ноутбука, потом рассмеялся. На этот вечер задача решилась без меня.

⁂

В следующие выходные мы поехали в торговый центр. Соне нужны были кроссовки, Максу — куртка, Лене — «буквально одна вещь». Я заранее объявил, что мне ничего не требуется.

— Какой счастливый человек, — сказала Лена.

— Именно.

— Главное, не подходи к зеркалам.

Через час я стоял перед зеркалом.

Пока Макс переодевался в примерочной, продавец предложил мне куртку. Я отказался, потом взял просто посмот-

реть ткань. Она оказалась приятной на ощупь, тяжёлой ровно настолько, чтобы вещь воспринималась добротной. Держать её на вытянутой руке было неудобно. Продавец предложил примерить, и я надел.

Куртка села хорошо. Я расправил плечи, повернулся боком. Нигде не тянуло, воротник лёг как надо, рукава не приходилось одёргивать. В зеркале стоял человек, которому почему-то шла собственная жизнь чуть больше, чем тому, который вошёл в магазин.

— Вот, — сказала Лена. — Совсем другое дело.

— А до этого какое было?

— До этого ты был счастливым человеком, которому ничего не нужно.

Продавец улыбнулся.

— Модель вам очень подходит. И цвет хороший.

Я снова посмотрел на себя. За спиной в зеркале были видны стойки с одеждой, проход, яркая полоса света вдоль потолка. На банкетке лежала моя старая куртка. Ещё по дороге сюда я не думал о ней вообще. Теперь видел, как мягко обмялся воротник и как рукава потеряли форму. Она выглядела вещью, с которой я слишком долго не хотел расставаться.

Я представил, как приду в новой на работу. Ничего особенного: сниму, повешу на спинку кресла, сяду за стол. Но в этой короткой картине уже держался немного иначе.

— Сколько?

Продавец назвал цену. Я нашёл бирку и посмотрел на неё,

будто написанная сумма могла оказаться другой.

— Мне, вообще-то, куртка не нужна.

— Конечно. Я просто предупрежу: в вашем размере осталась последняя.

Он произнёс это почти между прочим и повернулся к стойке, где ждал другой покупатель. Я перестал смотреть на цену.

Последняя.

До этой фразы куртку можно было спокойно оставить и вернуться к ней позже. Теперь я уже представлял, как прихожу, а моего размера нет. Вещь ещё не принадлежала мне, но расстаться с ней стало труднее.

— Если нравится, бери, — сказала Лена. — Хорошая же.

Доводы нашлись сразу. Деньги есть, носить буду. Старая всё равно когда-нибудь потребует замены. Эта удачно села, потом замучаешься искать. С такими объяснениями можно было прийти домой и остаться в собственных глазах разумным человеком.

Я провёл ладонью по рукаву, пытаясь вспомнить, какой из доводов заставил меня захотеть куртку. Ни один. Когда они появились, я уже рассматривал себя в зеркале и не хотел снимать её.

Из примерочной вышел Макс, застёгивая молнию.

— Нормально?

Лена повернулась к нему. Продавец вернулся, поправил сыну воротник, попросил поднять руки. На несколько секунд

обо мне забыли, и я почувствовал, как сильно хочется закончить всё простой фразой: «Беру». После неё не пришлось бы больше держать в голове цену, старую куртку, последний размер и собственные вопросы.

Я расстегнул молнию.

— Я пока оставлю.

Лена обернулась.

— Не нравится?

— Нравится.

— Тогда что?

— Хочу посмотреть, буду ли хотеть её завтра.

Она посмотрела на куртку у меня в руках.

— А если завтра её не будет?

Вопрос попал точно в то место, которое уже успел подготовить продавец. Я помолчал, аккуратно расправляя подкладку.

— Значит, не будет.

Произнести это оказалось труднее, чем я ожидал. Продавец взял куртку без возражений, надел на вешалку и отвёл нас к кассе с Максовой покупкой. Я ещё раз посмотрел на стойку, когда мы выходили.

На эскалаторе представлял, как легко вернуться. Вечером думал о куртке снова. На следующий день — меньше. В понедельник вспомнил, когда надевал свою, а во вторник почти забыл.

Мне захотелось записать это как маленькую победу. Я су-

мел подождать, и ничего страшного не случилось. Открыл блокнот, поставил дату и вдруг вспомнил своё отражение уже без новой куртки. Человека, который отдал её продавцу и сказал: «Значит, не будет».

Он тоже мне понравился.

В магазине я мог стать человеком, которому хорошо идёт новая вещь. После отказа нравился себе за то, что умею собой управлять. Второе удовольствие оказалось не слабее первого, только о нём можно было думать с большим одобрением.

Я сидел над незаконченной записью. Независимость лучше тщеславия — это казалось очевидным. Но ответ пришёл так быстро и с такой знакомой уверенностью, что я не стал записывать его сразу.

⁂

В среду Виктор Павлович предложил мне повышение. Я зашёл к нему с документами и уже собирался уходить, когда он попросил закрыть дверь и сесть.

— Хотел поговорить о твоём развитии.

Я положил папку на колени. Начальник убрал в сторону распечатки, освободил место перед собой. Слово «развитие» было хорошим: с ним трудно спорить, не выставляя себя в странном свете. Можно не хотеть машину, отложить отпуск. Но спокойно сказать: «Спасибо, развиваться я не планирую» — я бы, наверное, не сумел.

— Направление выделяем отдельно. Нужен руководитель.

Я предложил тебя.

Мне стало приятно раньше, чем я успел подумать. Я представил, как расскажу Лене, как Игорь повернётся в кресле, услышав новость. Мелькнула новая подпись в письме, другие совещания, люди, которые теперь будут приходить ко мне за решением. Я ещё не знал условий, но в воображении уже находился немного выше того места, на котором сидел.

— По деньгам вот так.

Виктор Павлович повернул ко мне лист. Я посмотрел на сумму, потом на остальное, стараясь не задерживаться на цифре слишком явно. Сумма понравилась.

Он рассказывал о команде, задачах, перспективах. Я задавал вопросы и замечал, что некоторые ответы слышу охотнее других. Когда речь шла о полномочиях, сразу представлял, что можно изменить. Когда о нагрузке, думал: как-нибудь организуем. Я знал эту работу, понимал, где теряется время, с кем трудно договориться. Предложение не было пустым названием на новой визитке.

— Что скажешь?

Я поднял глаза. Согласие было совсем близко; достаточно кивнуть и поблагодарить. Потом почему-то вспомнилась куртка.

— Можно до пятницы подумать?

— Конечно.

Он откинулся в кресле, сцепил пальцы.

— Что-то смущает?

— Пока не знаю.

— Это хорошая возможность, Андрей. Ты эту работу знаешь. Люди тебя знают. По сути, давно к этому идёшь.

Я кивнул. Слова были приятными, и спорить с ними не хотелось.

— А старые задачи?

— Часть передадим. В переходный период придётся совмещать, но без этого никак.

— Сколько переходный период?

— Обсудим. Не навсегда.

Мы оба улыбнулись. У нас было достаточно опыта, чтобы понимать ценность такого уточнения. Я положил лист поверх своей папки, ещё раз посмотрел на условия. Виктор Павлович заметил движение и продолжил мягче:

— Подумай спокойно. Только не затягивай. Тебе сорок шесть. Такие вещи надо брать, пока дают.

Я опустил глаза, чтобы он не увидел выражения моего лица.

Последний размер.

Сходство было нелепым. Передо мной сидел человек, с которым я много лет работал, и предлагал серьёзную должность. А я вспоминал продавца возле зеркала. Тем не менее ощущение было знакомым: возможность ещё не стала моей, а я уже боялся её потерять.

⁂

Игорь заметил всё почти сразу. Я положил папку на стол и

слишком долго убирал из неё лист с условиями, хотя можно было просто оставить его сверху.

— Что хотел?

— Предложил направление возглавить.

Он отодвинул кресло и протянул руку.

— Ну наконец-то. Поздравляю.

— Подожди. Я ещё не согласился.

Рука осталась между нами.

— А что не так?

— Не знаю. Думаю.

— Денег мало?

— Нормально денег.

— Тогда чего?

Я пожал ему руку, потому что держать человека в таком положении было уже неловко. Рукопожатие получилось крепким, почти праздничным, хотя я всё ещё пытался объяснить, что праздновать пока нечего.

— Работы больше. Ответственности.

— Так тебе за это и предлагают.

— Свободного времени меньше.

— Андрей, ты хочешь, чтобы тебе добавили денег и отпустили домой?

— Очень.

— Я тоже. Но пока предлагают это, бери это.

Мы рассмеялись. Игорь повернулся к компьютеру, затем всё-таки оглянулся.

— Ты же сам говорил, что половину решений тут можно принимать быстрее.

— Говорил.

— Ну вот. Теперь будешь.

Это был хороший довод. Мой собственный, возвращённый мне человеком, который его запомнил. Я сел за стол и вместо рабочего файла снова открыл условия.

Деньги, полномочия, новая должность — всё умещалось в несколько строк. То, чего я опасался, приходилось описывать длиннее. Меньше вечеров, когда работа действительно закончилась. Больше чужих ошибок, о которых думаешь по дороге домой. Труднее оставить телефон в другой комнате. На фоне конкретной суммы это выглядело пока лишь предположениями человека, который заранее ищет, чего испугаться.

Я убрал лист в папку. Через несколько минут достал снова.

⁂

Лена обрадовалась. Она слушала меня стоя у кухонного стола, потом отложила полотенце и обняла.

— Ну наконец-то.

Я прижал её к себе. От неё пахло кремом для рук и чем-то домашним, что я не умел назвать, но узнавал сразу. Мне хотелось просто постоять так, почувствовать её радость как подтверждение того, что со мной случилось хорошее.

— Почему наконец-то? — спросил я.

Она немного отстранилась.

— Потому что ты четыре года на одной должности. Потому что работаешь много. Потому что давно заслужил.

— А если мне нравится то, что я делаю?

— Тогда хорошо. Будешь делать больше и получать больше.

— Делать уже другое.

— Андрей, это следующий уровень.

Я посмотрел на неё. Лена сразу заметила этот взгляд; за последнее время успела узнать, что за ним обычно следует.

— Что?

— Ничего.

— Нет, уже говори.

Я сел. Она устроилась напротив, положила руки на стол.

— Почему следующий обязательно выше?

Лена несколько секунд молчала.

— Потому что у тебя будет больше возможностей.

— Для чего?

— Решать. Зарабатывать. Потом пойти дальше.

— А потом?

Она вздохнула и улыбнулась.

— Потом купишь остров. Мы с Соней переедем туда, а ты останешься здесь выяснять, зачем тебе остров.

Я рассмеялся. Несколько минут мы обсуждали предложение уже нормально. Она спросила про команду, нагрузку, передачу старых задач. Я рассказал всё, что знал, и постепенно

услышал, как меняется мой собственный голос. Полномочия я объяснял подробно, о переходном периоде говорил быстро. В моём изложении должность становилась привлекательнее, чем на листе у начальника.

Лена слушала, иногда уточняла. Потом спросила:

— Ты боишься?

Я почувствовал раздражение прежде, чем успел понять вопрос.

— Почему сразу боюсь?

— Я спрашиваю.

— Может быть, я просто не хочу.

— Может быть. А может, хочешь и боишься. Такое с тобой тоже бывает.

Она сказала это спокойно. Возразить было нечем: такое действительно бывало. Но теперь отказ требовал ещё одной проверки. Нужно было убедиться, что я не прячу за разумными словами слабость. Согласиться, кажется, можно было без подобной процедуры.

— А если я соглашусь потому, что боюсь отказаться?

Лена посмотрела на меня внимательнее.

— Ты можешь мне просто сказать, чего ты сам хочешь?

Я открыл рот и замолчал. Вопрос был настолько обычным, что пауза после него сразу стала заметна нам обоим.

— Вот это я и пытаюсь понять.

Она взяла полотенце, сложила его пополам, провела ладонью по ткани и снова положила.

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Правда. Если тебе там будет плохо, никакая должность этого не стоит. Но ты сейчас говоришь так, будто любой мой ответ тебе мешает.

Мне стало стыдно. Она обрадовалась за меня, подошла, обняла, а я почти сразу потребовал объяснить собственную радость. Я протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей.

— Ты не мешаешь.

Лена кивнула, но ещё некоторое время смотрела на меня. Я хотел добавить что-нибудь, вернуть разговор к тому моменту, когда мы оба были довольны. Вместо этого сидел, держа её за руку, и чувствовал, как нелепо будет снова задавать вопрос.

Я понимал, что она желает мне добра. Игорь тоже. Виктор Павлович предложил реальную возможность, а не ловушку, которую требовалось вовремя распознать. И всё же все они почти сразу увидели в моём согласии естественное продолжение жизни. Объяснять приходилось задержку, сомнение, возможный отказ.

Но ещё утром я, наверное, отреагировал бы так же, предложи повышение кому-нибудь из них.

⁂

Ночью я открыл блокнот и написал: «Повышение». Подчеркнул, разделил страницу на две колонки. С одной стороны появились деньги, опыт, статус, возможность влиять на работу. С другой — время, нагрузка, ответственность, до-

ступность по вечерам.

В квартире уже было тихо. На столе остался стакан Лены, возле раковины лежало сложенное полотенце. Я посмотрел на список: доводов за оказалось больше. Правда, я не знал, как их складывать.

Сколько единиц статуса компенсируют вечер, в который я сижу рядом с Соней, но слушаю вполуха, потому что в телефоне обсуждают сорванный срок? И сколько спокойствия дома стоит возможность наконец сделать работу так, как считаю правильным? Если написать рядом числа, станет аккуратнее. Кто назначит эти числа, было непонятно.

Я вычеркнул заголовок и написал длиннее: «Больше рабочего времени, постоянная доступность и ответственность за чужие результаты в обмен на дополнительные деньги и полномочия».

Прочитал. Предложение сразу стало менее привлекательным. Я отложил ручку и некоторое время смотрел на строку. Условия не изменились, Виктор Павлович ничего нового не прислал. Я только иначе назвал то же самое.

Потом перечитал ещё раз. В моей формулировке сначала шли потери, а вознаграждение помещалось в самом конце. Я ничего не написал о том, что работа может оказаться интересной. О людях, с которыми хотелось сделать что-то хорошее. О возможности перестать злиться на решения, на которые раньше не мог повлиять.

Я добавил это. Ощущение снова изменилось.

На краю страницы уже не хватало места. Я повернул блокнот и попытался записать предложение нейтрально. Но каждое слово требовало выбора: что поставить первым, о чём сказать подробнее, какую нагрузку считать неизбежной, а какую — моей тревогой. Я собирался оценить условия, а застрял на том, как их описать.

Вспомнилось Ленино: «Ты боишься?» Игорево: «Денег мало?» Начальственное: «Что-то смущает?» Все вопросы были разумными. И во всех подразумевалось, что есть хорошая возможность, а я должен объяснить препятствие между ней и собой.

Я и сам спрашивал так других: почему не сменишь работу, когда купите квартиру побольше, чего тянешь? Мне казалось, я помогаю. Теперь попробовал вспомнить лица людей после этих вопросов. Кто-то сразу начинал объяснять. Кто-то раздражался. Иногда я принимал раздражение за доказательство, что попал в больное место.

Часы на духовке показывали начало второго. Я написал: «Кто формулирует вопрос?» Посмотрел на собственный почерк. В этот раз — я.

Это должно было что-то прояснить. Я подождал, держа ручку над страницей, затем закрыл блокнот.

⁂

До пятницы я несколько раз менял решение. Утром в дороге хотел отказаться: представлял ближайшие месяцы, дополнительную нагрузку, согласования. Входил в офис, кто-

нибудь поздравлял меня или спрашивал о будущей команде — и отказ уже казался нелепым. После удачного разговора с клиентом чувствовал, что справлюсь. После двух часов чужих споров думал, что не хочу отдавать этому ещё больше времени.

Все эти состояния были убедительными, пока я находился внутри них. В четверг вечером попытался вспомнить утреннюю уверенность. Доводы помнил, саму уверенность — нет. Знал, что она была, но вызвать её снова не получалось.

Я сидел на кухне, перечитывая две колонки. Деньги или время? Спокойствие или возможность изменить привычную работу? Признание или свобода? В каждом вопросе мне нравилось одно слово и тут же начинало не хватать другого.

Я должен взять ответственность, думал я. А перед кем должен? Перед собой. Но почему я обязан доказывать себе это именно должностью? Есть семья. Семье нужны деньги. Семье нужен и я, а не только мои доходы. Откажусь — пожалею. Соглашусь — тоже могу пожалеть.

Все эти доводы произносил я. Иногда удавалось чуть отстраниться, посмотреть на спор спокойнее. Тогда казалось, что вот сейчас и появится настоящий ответ, без страха и желания кому-то понравиться. Но спокойный голос тоже знал, каким человеком мне следует быть: зрелым, ответственным, честным с собой. От этих слов становилось не намного яснее, соглашаться или отказываться.

Я убрал блокнот. Решил выспаться. В спальне некоторое

время слушал дыхание Лены, потом стал мысленно распределять задачи в новой команде и заметил это лишь тогда, когда уже нашёл решение одной давней проблемы.

В пятницу Виктор Павлович спросил:

— Ну что, решил?

Я посмотрел на папку перед ним, на свой лист с условиями.

— Да. Согласен.

Он встал, пожал руку.

— Правильное решение.

Я улыбнулся. Мы начали обсуждать дела. Я предложил сначала определить сроки передачи текущих проектов. Виктор Павлович согласился, взял календарь, уточнил несколько фамилий. Разговор быстро стал конкретным, и мне стало легче: здесь были задачи, которые я умел решать.

Выйдя из кабинета, я задержался возле своего стола. Мог объяснить, почему согласился, причём несколькими способами. Интересная работа, деньги, возможность влиять, перспектива. Ни один не был бы заведомой ложью.

Не мог только определить, какой именно привёл меня к ответу. Вчерашние записи не заканчивались решением. Перед сном я думал о будущей команде. Утром посмотрел на условия и сказал «да». Между этими событиями не находилось отдельного ясного момента, когда всё окончательно стало на свои места.

Пришло приглашение на встречу по новому направлению.

Я принял его. Моё решение уже меняло чужие планы, пока я ещё пытался понять, где именно оно стало моим.

⁂

Вечером открыли вино. Лена достала бокалы, Макс довольно быстро уточнил, насколько вырастет зарплата, а Соня спросила, будет ли у меня собственный кабинет.

— Пока нет.

— А как ты будешь начальником?

— Попробую без кабинета.

Она задумалась.

— Тогда хотя бы кресло надо другое.

Мы засмеялись. Я посмотрел на Лену; она улыбалась, уже без той осторожности, которая появилась в нашем разговоре накануне. Решение было принято, и теперь можно было просто порадоваться.

Мне было хорошо. Я чувствовал облегчение, гордость, приятное ожидание. Пока ужинали, несколько раз мысленно возвращался к первым задачам. Представлял разговор с командой, вопросы, которые нужно задать, людей, у которых можно получить помощь. Приходилось возвращать внимание к столу, когда дети обращались ко мне.

Лена подняла бокал.

— За тебя.

Я коснулся её бокала своим. Посмотрел на детей, на тарелки, на хлебную крошку у Сониного локтя. Впереди снова возникла жизнь, которая должна была начаться после моего

согласия: чуть увереннее, свободнее в деньгах, с возможностями, которых раньше не было. Ради такой можно немного поднажать сейчас.

И вдруг вспомнил себя перед зеркалом в магазине. Там я тоже сначала увидел человека, которым мне понравилось бы стать. Потом нашёлся шаг, способный к нему приблизить. Сравнение было неприятным: оно делало слишком маленьким то, чему я сейчас радовался.

Я отпил вина. Повышение могло оказаться прекрасным решением. Через год я мог с благодарностью вспомнить этот вечер. Не хотелось заранее обесценивать работу, которую ещё даже не начал. Но удачный результат сам по себе не объяснил бы, как я пришёл к согласию.

Лена что-то рассказывала Соне, Макс возражал. Я слушал их и вспомнил надпись в приложении: «Для вас». В тот вечер ужин действительно оказался для нас — вкусный, подходящий, именно такой, от которого стало хорошо.

Раньше я, наверное, искал бы ошибку: невыгодную покупку, ненужную вещь, последствия, о которых не подумал. Теперь не был уверен, что обязательно должен найти что-нибудь плохое, чтобы мой вопрос имел смысл.

— Ты с нами? — спросила Лена.

— С вами.

Я пододвинул ей хлеб и постарался больше не отвлекаться.

⁂

Когда все легли, я ещё некоторое время сидел на кухне. На странице под словом «Повышение» остались две колонки, зачёркнутый заголовок и несколько попыток описать одно предложение. Из одного угла торчал лист с условиями. Я вынул его, разгладил и положил рядом.

Потом перелистал назад. Куртка, телевизор, проект А, маршрут. Разные дни, разные люди. Чем дольше смотрел, тем легче находил между ними сходство: «Вам подходит», «Хорошая возможность», «Давно пора», «Правильное решение». Я слышал знакомые голоса, помнил, с каким выражением произносились слова. Продавец немного отступил, давая мне рассмотреть себя. Игорь держал протянутую руку. Лена обняла, не дожидаясь подробностей.

Мне не хотелось ставить этих людей в один ряд. Между ними была огромная разница, и я это понимал. Но внутри некоторые слова отзывались похоже. После них становилось легче согласиться и труднее объяснить, почему медлю.

Я вспомнил торговый центр. Когда мы уходили, Соня потянула нас к ближайшему эскалатору. Он поднял на следующий этаж и вывел к витрине, возле которой Лена остановилась. Чтобы спуститься, пришлось пройти по галерее к другой стороне. По дороге заглянули ещё в два магазина.

Я сам решал, куда заходить. Можно было пройти мимо, можно развернуться. Просто весь путь от одного эскалатора к другому уже существовал до нашего приезда. В тот день я смотрел на витрины и почти не думал, почему прохожу

именно здесь.

Сейчас это воспоминание казалось объяснением слишком многих вещей. Я почувствовал знакомое удовлетворение: ещё немного, и всё сложится. Закрыл блокнот, не дав себе продолжить. Несколько похожих ситуаций — ещё не вся жизнь.

На кухне остались знакомые предметы: кружка у раковины, магнит на холодильнике, Сонина кофта на стуле. Я поднял её, сложил, положил на спинку. В комнате дочери завтра опять придётся искать именно эту кофту, хотя она будет лежать на виду. Простая мысль ненадолго помогла.

Мне хотелось разобраться спокойно, без срока до пятницы, без последнего размера, без чужого ожидания. Я уже пробовал: уходил из магазина, закрывал ноутбук, просил два дня. Но в тишине продолжал спорить с людьми, которых рядом не было. Вспоминал слова, предугадывал реакцию, отвечал на вопросы, которые они ещё не задали.

Даже здесь, один на кухне, я хотел прийти к выводу, который не будет выглядеть глупым.

Перед кем?

Я посмотрел на пустой дверной проём и усмехнулся. Вопрос был почти смешным. Ответить всё равно не получилось.

Я снова открыл блокнот. Хотелось перечитать записи и найти в них что-то своё, на что можно опереться без дальнейших уточнений. Люблю семью. Не люблю, когда мной

командуют. Ценю надёжность. Хочу, чтобы работа имела смысл. Боюсь оказаться ненужным — это я записывать не стал, хотя мысль пришла достаточно ясно.

Всё было правдой. Но стоило задержаться на любом признании, вспоминались люди и события. Те, кто подвёл. Те, кому нужно было подчиняться. Случаи, когда мою работу замечали, и другие, когда принимали как должное. Ничто из этого не делало мои чувства ненастоящими. Только я не мог представить, как отделить себя от этих историй и остаться тем же человеком, который сейчас держит ручку.

Можно было опереться на то, что чувствую сегодня. Но сегодня включало радость Лены, разговор с начальником, вино за ужином, усталость. В магазине я был уверен, что хочу куртку. Во вторник — что правильно отказался. Несколько дней назад хотел оставить блокнот в покое, теперь сидел над ним второй час.

Каждый раз это был я. И каждый раз из того состояния, в котором находился, предыдущие казались чуть менее надёжными.

За стеной щёлкнула труба. Я поднял голову, словно меня окликнули. Было почти два часа ночи. На завтра ничего решать уже не требовалось: я согласился, встреча стояла в календаре. Я убрал лист с условиями, закрыл блокнот и выключил свет.

⁂

По дороге в спальню заглянул к детям. Соня сбросила оде-

яло; одна нога торчала из-под края, ладонь лежала возле лица. Я накрыл её, поправил подушку и задержался на несколько секунд, хотя делать было уже нечего. Во сне она казалась младше. Днём спорила, доказывала, знала, какие кроссовки ей нужны, а сейчас дышала с той полной беспечностью, ради которой хотелось проверять дверь и выключенную плиту ещё по одному разу.

У Макса на кровати светился телефон. Я осторожно взял его и положил на стол. Сын что-то пробормотал, повернулся к стене. Я постоял, дожидаясь, пока он снова устроится, затем прикрыл дверь.

Лена лежала на боку, лицом к моей половине кровати. Я лёг рядом и некоторое время просто смотрел на неё. В спальне было темно, но свет из коридора позволял различить край щеки, прядь волос на подушке. Постепенно стало легче.

Здесь мои рассуждения казались чрезмерными. Был поздний час, тёплая постель, знакомое дыхание. Мы прожили вместе столько лет, сколько не помещалось ни в один из вопросов, записанных за вечер.

Я выбрал её.

Мысль появилась с неожиданной силой. Лену — не должность, не телевизор, не вещь с привлекательной надписью. Я вспомнил нашу первую встречу: как она слушала, чуть склонив голову, как убрала волосы за ухо, прежде чем ответить. Сказала что-то смешное совершенно серьёзным голосом, и я засмеялся раньше остальных.

Потом несколько дней искал повод написать. Придумывал ненужное начало сообщения, стирал, начинал заново. Мне тогда казалось важным, чтобы всё выглядело естественно, будто желание увидеть её ещё раз требовало приличного предлога.

Я улыбнулся в темноте. Никто не стоял рядом и не объяснял, что она мне подходит. Я сам захотел остаться. От этой памяти стало тепло, и мне почти удалось уснуть.

Потом пришёл вопрос: почему именно она?

Я открыл глаза. Первым чувством было раздражение, почти злость. Неужели нельзя оставить хотя бы это? Лена спала рядом, и я не хотел превращать её лицо, наши годы, детей в очередной материал для объяснения. Любовь не обязана была ничего мне доказывать.

Я повернулся на спину. Но вопрос уже прозвучал, и возмущение не могло сделать так, чтобы я его не услышал. Почему именно её смех? Почему эта манера слушать? Что я узнал в ней раньше, чем сумел бы рассказать кому-нибудь о своём выборе?

Я вспомнил женщин, которые нравились мне прежде. Что-то повторялось: выражение лица, интонация, способность ответить так, чтобы мне хотелось продолжить разговор. Одних черт я искал, других опасался. Некоторые считал красивыми ещё до того, как успевал подумать почему.

К Лене я пришёл уже таким. Умел чувствовать близость и неловкость, чего-то ждал от семьи, представлял, как хочу

жить. Не помнил дня, когда решил ждать именно этого. Не мог вспомнить и человека, который объяснил мне всё целиком.

Я снова посмотрел на неё. Чувство никуда не исчезло. Мне хотелось придвинуться, коснуться её плеча, услышать сонное недовольное: «Андрей, спи уже». Всё было настоящим. От этого становилось особенно трудно понять, что именно я пытаюсь проверить.

Если бы до встречи с ней моя жизнь сложилась иначе, выбрал бы я Лену? Я не знал. Но и представить того другого человека собой получалось только до определённого места. Потом исчезали привычные воспоминания, люди, которых я любил и боялся, слова, которыми привык думать. Кто лежал бы здесь вместо меня, я уже не понимал.

— Хватит, — прошептал я.

Лена пошевелилась, вытянула руку и во сне положила ладонь мне на грудь. Я замер, затем накрыл её руку своей. Некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь к её дыханию.

Мне хотелось принять прикосновение как ответ. Оно было ближе и убедительнее всего, о чём я думал. Но я заметил и это желание — превратить то, от чего хорошо, в доказательство, что дальше спрашивать не нужно.

Из коридора донёсся едва различимый удар настенных часов.

Тик.

Я вспомнил свою крепость. За стенами по-прежнему могли шуметь, предлагать, уговаривать. Ворота открывались изнутри; за день я много раз повторял это себе, находя в такой мысли опору. Теперь всё внимание почему-то обращалось к человеку у ворот.

Он говорил моим голосом. Хотел того, чего хотел я, боялся знакомых мне вещей. Я пытался представить его отдельно от всего, что успел прожить и узнать, и не мог.

Ладонь Лены оставалась у меня под рукой. В календаре уже стояла встреча по новому направлению. Решение было принято, и жизнь уже продолжалась.

Я всё ещё чувствовал, что выбрал сам.

Только теперь не знал, где начинается тот, кто это говорит.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЧУЖОЙ ГОЛОС

Макс менялся, и я всё чаще замечал это по вещам, которые переставали происходить.

Раньше он начинал рассказывать о школе ещё в прихожей, мешая мне снять куртку. Рюкзак лежал поперёк прохода, одна кроссовка уже была сброшена, вторую он зачем-то продолжал держать на ноге, пока объяснял, кто с кем поссорился, что сказал учитель и почему Артём больше никогда не получит от него ни одной игры. Я слушал, искал тапочки, иногда просил дать мне хотя бы переодеться. Казалось, эти рассказы никуда не денутся: можно будет дослушать на кухне, за ужином, завтра.

Теперь после короткого «привет» он проходил к себе и закрывал дверь. Иногда поворачивал ключ. Щелчок был негромким, гораздо тише музыки, которую мы раньше просили его убавить, но именно он почему-то стал слышен из любой комнаты.

В прихожей оставались его кроссовки, уже почти моего размера, и куртка, брошенная поверх банкетки. Я поднимал её, вешал на крючок и некоторое время стоял, прислушиваясь. За дверью он с кем-то разговаривал — быстро, увлечённо, перебивая себя смехом. Значит, рассказы никуда не ис-

чезли. Просто теперь их слушал кто-то другой.

Иногда мне доставалось начало: имя, обрывок школьной истории, непонятное слово. Я спрашивал, что случилось, и Макс отвечал: «Да ничего, ты не поймёшь». Раньше я бы предложил проверить. Теперь чаще кивал и шёл переодеваться, обиженный тем, что меня заранее исключили из разговора. Через полчаса, если он заглядывал ко мне сам, я мог попросить подождать: нужно было закончить письмо.

Я знал, что Максу четырнадцать. Знал про взросление, потребность в самостоятельности, право на собственное пространство. Если бы кто-нибудь другой пожаловался мне на сына, я, наверное, сказал бы что-нибудь разумное и успокаивающее. Дома, услышав этот щелчок, я первым делом хотел узнать, зачем запираться.

Больше всего раздражало, что он ничего от нас не требовал. Просто уходил к себе. Мы годами учили его одеваться, собирать вещи, делать уроки, обходиться без постоянной помощи, и теперь, когда у него начало получаться, мне хотелось, чтобы некоторые навыки развивались помедленнее.

Однажды Лена заметила, как я смотрю на закрытую дверь.

— Ты чего?

— Ничего. Опять у себя.

— А где ему быть?

— С нами, например.

Она посмотрела в комнату, где я оставил ноутбук на диване, а сама только что отложила телефон.

— У нас, конечно, очень насыщенная программа.

Я хотел возразить, но не нашёл ничего, что не потребовало бы сначала закрыть ноутбук.

Лена ушла на кухню, а я остался у двери. На уровне моего плеча белела неглубокая царапина: когда-то Макс задел косяк пластмассовым мечом. Я помнил, как отчитывал его за это, и уже не помнил, с кем именно он тогда сражался. Царапину мы собирались закрасить. Так и не собрались.

Из комнаты донёсся его смех, низкий в начале и внезапно сорвавшийся на прежнюю детскую ноту. Я улыбнулся и, прежде чем успел позвать его, услышал короткое: «Да подожди ты!» Сказано было кому-то в наушниках, но я всё равно отошёл.

⁂

В тот вечер я вернулся около девяти. К новой должности я уже начал привыкать, хотя пока лучше всего освоил ту её часть, которая продолжалась после окончания рабочего дня.

Сначала просили быстро посмотреть письмо. Потом уточняли один вопрос. К вопросу прилагался файл, в файле обнаруживалось ещё несколько вопросов, и домой я ехал с ощущением, что почти освободился. На парковке оставалось только дописать сообщение.

Днём всё выглядело лучше. Мне нравилось, что больше не нужно обходить три кабинета, чтобы сдвинуть дело с места. Сегодня удалось согласовать то, из-за чего люди спорили с прошлой недели; после встречи я шёл по коридору с прият-

ным чувством, что оказался здесь вовремя. Даже усталость тогда была другой — оправданной, почти желанной. Хотелось рассказать Лене, как всё получилось.

К вечеру удачный разговор отступил за переписку. На экране остались вопросы, которые ещё требовали ответа, а то, что я уже сделал, никому больше не мешало и потому словно перестало существовать. Я несколько раз начинал сообщение словами «давайте завтра», но каждый раз находилось уточнение, без которого завтрашний день, казалось, не мог начаться.

Я отправил его, выключил двигатель и ещё немного посидел в темноте. Телефон лежал на колене. После ровного шума дороги тишина в салоне казалась плотной; где-то под капотом остывал металл, у соседней машины негромко хлопнула дверь. По лобовому стеклу скользнул свет фар и на мгновение высветил пыль, которую днём я не замечал.

В окнах нашего дома горел свет. Я нашёл взглядом наши, задержался на светлом прямоугольнике кухни. До квартиры было несколько минут, но выходить сразу почему-то не хотелось. За день я столько раз кому-нибудь понадобился, что теперь нуждался хотя бы в коротком промежутке, в котором никто ещё не успел спросить, что делать дальше.

Я не собирался никому рассказывать об этой остановке. Объяснение потребовало бы больше сил, чем сама усталость. Посидел, пока не погас экран, сунул телефон в карман и взял сумку.

Когда я вошёл, из кухни пахло разогретым ужином. В прихожей пришлось переступить через Сонины кроссовки; на банкетке лежала раскрытая тетрадь, придавленная пеналом. В ванной плескалась вода. Лена окликнула дочь из кухни:

— Соня, щёткой зубы чистят. По раковине ей стучать не надо.

Соня что-то ответила с набитым пеной ртом. Я не разобрал, но по интонации понял, что у происходящего имелось разумное объяснение.

На кухне горел свет над столешницей. Лена стояла у плиты, придерживая крышку полотенцем; выбившаяся прядь прилипла к щеке, и она сдула её, не освобождая рук. Я поцеловал её в висок. От неё пахло кремом и тёплой едой.

— Есть будешь?

— Буду. Только переоденусь.

В кармане завибрировал телефон. Я достал его, открыл пришедший ответ и ещё успел заметить, что вопрос начинается со слова «спасибо».

— Ты по телефону или уже с нами?

Я посмотрел на экран, который всё ещё держал перед собой.

— Уже с вами.

— Тогда положи его. А то внешне пока непонятно.

Я оставил телефон на столе. Лена убавила огонь и сказала:

— Учительница по физике опять написала. Макс работу не сдал. Второй раз.

Мне показалось, что я устал ещё сильнее. Будто весь день чего-то не хватало, и теперь выяснилось чего именно.

— Почему?

— Лучше у него спроси.

— Ты спрашивала?

— Да. Выяснила, что это его жизнь.

Я невольно улыбнулся.

— Уже полностью?

— Судя по разговору, мы там временно проживаем.

Она тоже улыбнулась, но усталость никуда не делась. На столе лежал её телефон с открытой перепиской. Под коротким сообщением учительницы тянулось длинное Ленино объяснение, которое я не успел прочитать. Она погасила экран и подвинула мне хлеб.

По тому, как ровно она положила полотенце возле плиты, я понял, что этот разговор у неё сегодня уже отнял больше сил, чем хотелось бы тратить второй раз.

— Поешь сначала, Андрей.

— Я сейчас. Пять минут.

Я пошёл в коридор, уже зная, каким будет разговор. Макс не сделал, я объясню, почему нужно. Он начнёт спорить, придётся говорить твёрже. В этой последовательности всё было настолько привычным, что я успел рассердиться на его будущие ответы ещё до того, как постучал.

При этом я шёл с совершенно искренним намерением разобраться.

⁂

Он услышал меня со второго раза.

— Можно?

За дверью помолчали.

— Ну.

Комнату освещали монитор и лента вдоль стены. На оконном стекле отражались цветные прямоугольники, и за ними почти не было видно двора. Пахло нагретой техникой и чем-то сладким. Возле клавиатуры стояла пустая банка, в которой оставили трубочку; она едва заметно дрожала, когда Макс задевал стол локтем.

В синеватом свете он выглядел старше: вытянувшаяся шея, широкие плечи под футболкой, тёмные волоски над верхней губой. На полке за ним ещё стояла собранная нами машинка. Когда-то он никому не позволял трогать её без спроса, а теперь прижал к ней несколько учебников, чтобы не падали. Я узнал криво наклеенную полоску на дверце и вспомнил, как мы спорили, можно ли переклеить: Максу хотелось уже играть, мне — сначала сделать ровно.

Он сидел боком к двери, подавшись к экрану, и я вдруг вспомнил, как когда-то вынимал его спящего из машины. Голова сразу ложилась мне на плечо, руки повисали, а ноги приходилось придерживать, чтобы не ударить о дверцу. Даже проснувшись, он не открывал глаз, только крепче цеплялся за мою шею, уверенный, что дальше можно не участвовать.

Теперь я вряд ли смог бы поднять его. Мысль оказалась неожиданно неприятной, словно я только сейчас обнаружил, что какую-то привычную возможность у меня забрали, пока я был занят другими делами.

— Мама сказала про физику.

Макс сдвинул один наушник.

— Ага.

— Почему не сдал?

— Не сделал.

— Это я понял. Почему?

— Не успел.

— Неделя была.

— Пап, я завтра сдам.

Он смотрел в монитор. На экране кто-то бежал вдоль стены, останавливался, снова бежал. В снятом с уха наушнике тонко трещал чужой голос. Макс нажал клавишу, коротко сказал «сейчас» и снова взялся за мышку.

Я понимал, что вошёл посреди чего-то, что для него продолжалось до моего появления. Но от этого было только досаднее: я приехал домой, наконец нашёл время, стоял здесь живой, а человек на экране всё ещё получал больше внимания.

— Макс, можно на меня посмотреть?

— Я тебя слышу.

— По тебе не видно.

Он повернулся с тем выражением терпения, которое под-

ростки иногда надевают перед разговором со взрослыми, заранее считая его неудачным.

— Я завтра сделаю. Всё.

— Второй раз уже «завтра». Учительница просто так писать не будет.

— Она ко мне вообще докапывается.

— Если ты не сдаёшь работу, она делает свою работу.

Макс снял наушники целиком.

— Ты даже не спросил, что было.

— Так я для этого и пришёл.

— Ты уже сказал, что она права.

Я открыл рот и на секунду задержался. Формально я этого не говорил. Но, если бы пришлось объяснять, на чьей я стороне, Макс, скорее всего, описал бы её точнее меня.

— Я сказал, что работу надо сдавать.

— Ну да. Взрослые всегда за взрослых.

— Я твой отец.

— Вот именно.

Меня задело, как это прозвучало. Для меня в слове «отец» было многое, о чём не полагается напоминать: ночи, когда он болел, страх у кабинета врача, деньги, которые нужно было заработать, чтобы дома никто не думал о деньгах. У него, судя по интонации, первым вспоминалось что-то другое.

Наверное, «выключи», «сделай», «во сколько вернёшься».

— Убери игру, — сказал я.

— Я с тобой разговариваю.

— И я прошу убрать игру.

Он медленно повернулся, что-то сказал в микрофон, нажал несколько клавиш и свернул окно. Сделал всё, что я потребовал, но так, что легче мне не стало. Я узнал этот способ подчиняться. Сам когда-то слишком громко закрывал учебник, ставил чашку, произносил «хорошо» с единственной целью — показать, насколько всё плохо.

— Что за отношение?

— Какое?

— Макс, ты прекрасно понимаешь.

— Нет. Ты сказал убрать — я убрал. Что ещё?

Я мог бы перечислить жесты, интонации, взгляд. Только тогда пришлось бы признать, что свёрнутой игры мне недостаточно. Мне было нужно, чтобы он определённым образом отнёсся к моему требованию. Не просто выполнил — признал его справедливость.

Но ведь я и правда отвечал за него. Четырнадцатилетний человек вполне способен весь вечер провести за игрой, а утром искренне удивиться, что работа не сделалась. Разве я должен был наблюдать за этим молча?

— Тебе в последнее время на учёбу наплевать.

— Мне не наплевать.

— Тогда почему не сделал?

— Потому что не хотел делать эту тупую работу!

Он сказал громче, чем собирался, и сразу посмотрел на дверь. Мне почему-то стало легче: теперь его поведение хотя

бы соответствовало тому, с чем я пришёл разбираться.

— Отлично. Не захотел — не сделал. Очень удобно.

— А я обязан всё любить?

— Любить не обязан. Есть вещи, которые нужно делать независимо от того, хочется тебе или нет.

Макс усмехнулся.

— У тебя всё такое.

— Какое?

— Которое надо. Учиться надо, на тренировку надо, читать надо. О будущем думать надо. Нормально разговаривать тоже надо.

— Мы сейчас говорим про физику.

— Ты всегда сначала про физику. Или про комнату. А потом оказывается, что я вообще не так живу.

За его креслом лежал носок, на столе стояла пустая банка, у кровати валялась толстовка. Всё это охотно подтвердило бы мои слова, если бы могло участвовать в разговоре. Я уже почти указал на пол.

— Я хочу, чтобы ты себя не запустил.

— Вот. Уже запустил.

— Не передёргивай.

— А что ты имеешь в виду? Если я не делаю, как ты сказал, значит, со мной что-то не так?

Он спрашивал зло и сбивчиво, вовсе не пытаясь сформулировать что-нибудь особенно глубокое. Ему хотелось, чтобы я ушёл и оставил его в покое. Я посмотрел на его руки. Он

крутил снятые наушники, проводя большим пальцем по потёртому краю амбушюры. Пока мы спорили, я успел сказать ему, что он не справляется с учёбой, не умеет разговаривать и может себя запустить. Ничего из этого, входя в комнату, я не собирался сообщать целиком.

На работе после похожего перечисления обычно переходили к тому, что нужно улучшить. Там я умел подобрать слова, чтобы человек не закрылся раньше времени. С сыном почему-то рассчитывал обойтись без этой осторожности: он ведь должен знать, что я желаю ему добра.

Макс ждал. Я чувствовал, что могу сейчас сесть, спросить о задании, попытаться вернуться к началу. Но тогда пришлось бы отступить именно в ту секунду, когда он смотрел на меня с вызовом. Вместо этого я выпрямился.

— В четырнадцать лет ты ещё не понимаешь последствий многих своих решений.

— А ты понимаешь?

— Что?

— Последствия своих решений. Ты всегда понимаешь?

Я вспомнил, как сидел сегодня в машине под окнами дома. Тёмный салон, погасшая приборная панель, телефон на колене. Повышение казалось хорошим решением и до сих пор могло им оказаться, но этих нескольких минут у подъезда я в своих расчётах не предусмотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.